Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет

Автор:
Александр Лопухин

Толковая Библия. Ветхий Завет и Новый Завет

Александр Павлович Лопухин

Подарочные издания. Мир Православия

Книга А.П.Лопухина, выдержавшая до 1917 года около 20 изданий, не теряет своей актуальности и сегодня благодаря необыкновенно глубокому осмыслению Библейской истории. Автор открывает нам историческое значение изложенных в Библии фактов, доказывает, что библейские рассказы о сотворении человека, грехопадении, потопе, смешении языков имеют под собой реальную историческую основу. В книге приводится множество объяснений быта, реалий, традиций того времени, когда была создана Библия, которые помогают понять глубину и смысл Библейского Писания. Автор предназначал свой труд широкой аудитории, поэтому язык изложения легок и прост для понимания. Данное издание объединяет труд автора по Библейской истории Ветхого и Нового Завета.

Александр Павлович Лопухин

Толковая Библия: Ветхий Завет и Новый Завет

Предисловие к первому изданию

В исторической науке в настоящее время совершается необычайное движение, именно благодаря тем изумительным открытиям, которые делаются на забытом

пепелище исторической жизни древних народов Востока. С того счастливого часа, когда историки, не ограничиваясь пером, взялись за заступы и лопаты и начали раскапывать мусор развалин в долинах Нила, Тигра и Евфрата, равно как и в других странах исторического Востока, перед взорами исследователей открылся целый мир нового исторического знания: бледные и тощие страницы истории древних народов чрезвычайно оживились и расширились, открыто было даже существование новых, совершенно неизвестных дотоле народов и монархий, знание о которых пролило новый свет на всю судьбу древнего человечества. Но эти необычайные открытия получили еще больше значения вследствие того, что они оказались в ближайшем соотношении с библейской историей, и не только пролили в нее много нового света, уясняя часто самые темные ее страницы, но и представили почти чудесное подтверждение многих библейских событий и фактов, которые дотоле могли безнаказанно подвергаться критике скептицизма. Это обстоятельство чрезвычайно оживило интерес к библейской истории, которая перестала быть сухой специальностью богословов, а привлекает теперь внимание и светских ученых историков, и всего образованного общества всех цивилизованных народов. Интерес этот заметен и у нас; но, к сожалению, у нас он доселе еще не выходил из узких рамок кружка специалистов, и для нашего общества, собственно, доселе буквально не имеется ни одной такой общедоступной книги, которая бы могла служить руководством или введением к этой глубоко интересной и в высшей степени поучительной области знания. Удовлетворение этой, по нашему мнению, насущной потребности, отчасти и имеет в виду настоящая книга.

В своих главных частях она составлена была несколько лет тому назад и предназначалась лишь в качестве конспекта для наших личных кабинетных занятий в соприкосновенной с нашей специальностью («Историей Древнего мира») области библейско-исторического знания. Но сознание указанной выше глубокой потребности побудило нас обработать этот конспект в таком виде, чтобы он хоть в малейшей мере мог удовлетворить эту потребность, именно давая связный и живой курс библейской истории с привнесением в него главнейших черт из неисчерпаемого богатства новейших библейско-исторических исследований. Понятно, что в тех рамках, какие намечены были для настоящего руководства, означенные исследования не могли найти себе самостоятельного места в нем, и мы действительно ограничились лишь привнесением некоторых черт из них; но надеемся, что читатели заметят их присутствие при каждом более или менее важном библейско-историческом событии, и сами убедятся, как много света новейшие открытия проливают в области истории и сколько свежего интереса придают самым общеизвестным фактам и событиям.

Свое «руководство» мы предназначаем для чтения вообще, но особенно желали бы, чтобы оно нашло доступ в среду учащегося юношества. По нашему глубокому убеждению, библейская история может стать неисчерпаемым источником нравственного и высшего исторического воспитания для всякого более или менее способного к серьезной умственной жизни человека. Всякая история есть воспитательница ума и сердца и учительница мудрости; но библейская история в этом отношении стоит выше всех других историй, потому что предмет ее – центральные пункты духовной жизни человечества, и в ней раскрываются глубочайшие законы всемирно-исторического развития. Она яснее всего может показать, что в истории народов нет ничего случайного и произвольного, что всякая попытка «делать историю» бессмысленна и вредна, потому что все ждет и требует «исполнения времен», которого нельзя ни приблизить, ни отдалить. Вместе с тем, она представляет ряд глубоких житейских опытов величайших характеров, которые своими добродетелями и не менее своими пороками широко раскрывают дверь в самую глубь духовной жизни человека и тем самым преподают глубочайшие уроки для всякого обладающего достаточно живым нравственным чувством для того, чтобы воспринимать подобные поразительные опыты. Наше «руководство», конечно, не имеет никаких претензий на изложение библейской истории с этой именно стороны: понимание этой стороны в ней предполагает предварительное знакомство с начатками библейско-исторического знания, и эти-то начатки именно и предлагаем мы в своей книге, в надежде, что она может послужить руководством к проникновению и в более глубокую область знания.

В непродолжительном времени имеет последовать подобное же «Руководство к библейской истории Нового Завета».

СПб. 31 декабря 1887 г.

А. Л.

Библейская история ветхого завета

Период первый

От Сотворения мира до потопа

I

Сотворение мира

Мир, рассматриваемый в его внешней красоте и внутренней гармонии, представляет собой дивное создание, изумляющее стройностью своих частей и чудесным разнообразием своих форм. Во всей своей необъятности он правильно движется подобно величественным часам, заведенным великим и искусным мастером. И как при взгляде на часы невольно является мысль о сделавшем и заведшем их мастере, так и при рассматривании мира в его правильном и стройном движении разум невольно приходит к мысли о том Виновнике, которому он обязан своим существованием и дивным устроением. Что мир не вечен и имеет свое начало, это ясно доказывается, прежде всего, общим верованием народов, у которых у всех сохраняется древнейшее предание о начале всех вещей. Затем изучение хода исторической жизни человечества, особенно древнейших его народов, показывает, что сама историческая жизнь имеет весьма ограниченную протяженность и скоро переходит в эпоху доисторическую, которая составляет детство человеческого рода, необходимо предполагающее, в свою очередь, рождение или начало. На то же указывает и ход развития наук и искусств, который опять приводит нас к первобытному состоянию, когда только начинались они. Наконец, новейшие науки (геология и палеонтология) через изучение наслоений коры земной и заключающихся в них останков неопровержимо и ясно доказывают, что земной шар постепенно образовывался в своей поверхности, и было время, когда на нем совершенно не было никакой жизни, и сам он находился в состоянии бесформенного вещества. Таким образом, начало мира несомненно, хотя бы и в виде бесформенного, первобытного вещества, из которого постепенно образовались все его формы. Но откуда явилось само это первобытное вещество? Вопрос этот издавна занимал мысль человеческую, но она бессильна была разрешить его без высшей помощи, и в языческом мире величайшие мудрецы и основатели религий не в силах были подняться выше той мысли, что это первобытное вещество существовало от вечности, и из него-то Бог создал или устроил мир, будучи

лишь, таким образом, создателем или устроителем мира, но не в собственном смысле Творцом его. Тогда на помощь человеческому разуму явилось Божественное Откровение, заключающееся в книгах Св. Писания, и оно просто и ясно провозгласило великую тайну бытия, постигнуть которую тщетно усиливались мудрецы всех времен и народов. Тайна эта открыта на первой странице книги Бытия, которой и начинается Библейская история мира и человечества.

«В начале сотворил Бог небо и землю», – говорит в первом стихе книги Бытия бытописатель, св. пророк Моисей. В этих немногих словах выражена та необъятная по своей глубине истина, что все существующее на небе и на земле, а следовательно и первобытное вещество, имеет свое начало, и все сотворено Богом, который один только вечен и существовал в довременном бытии, и притом сотворено из ничего, как означает самый глагол бара, употребленный для выражения слова «сотворил». Бог есть единый Творец вселенной, и без Него ничего не могло произойти.

Утверждая эту мысль, бытописатель тем самым отверг все другие способы объяснения происхождения мира, т. е. что мир не мог произойти ни от случая, ни от самозарождения, ни от борьбы доброго и злого начал (как учили языческие мудрецы, а за ними и новейшие любомудры), а единственно от свободного решения воли всемогущего Бога, благоволившего из небытия воззвать мир к временному бытию. Решение же это вытекло единственно из любви и благости Творца, с целью дать и твари возможность насладиться этими величайшими свойствами Его существа. И вот «Он», по словам боговдохновенного псалмопевца, «сказал и сделалось, Он повелел и явилось» все (Пс 32:9). Орудием его при творении служило Слово Его («сказал и сделалось»), которое есть Слово изначальное, Сын Божий, через которого «все начало быть, и без Него ничто не начало быть, что произошло» (Ин 1:3). Так как во втором стихе отдельно говорится и об участии Духа Божия в деле творения, то ясно, что Бог действовал при создании мира как превечная Троица.

Открыв тайну происхождения мира как целого и его двух составных частей – неба и земли, бытописатель переходит к описанию порядка образования мира в его теперешнем виде, во всем разнообразии его видимых форм, и так как летопись бытия предназначалась в поучение жителям земли, то и главное внимание его обращается именно на историю образования земли, так что во втором стихе уже не упоминается о небе. В первобытном своем состоянии «земля была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над

водою». Это было только что сотворенное бесформенное вещество – хаос, в котором бродили слепые силы вещества, ожидая зиждительного слова Творца, и над этой-то бродящей бездной была тьма, и только творческий Дух Божий носился над водой, как бы оплодотворяя зародыши и семена имевшей возникнуть жизни на земле. Откровение ничего не сообщает о продолжительности такого хаотического состояния. Только с известного момента началась творчески-образовательная деятельность Творца, и она совершилась в шесть последовательных периодов времени, называемых днями творения.

Когда настало время для начала творческой деятельности, над темным бесформенным веществом прогремело слово Божие: «Да будет свет! и стал свет». Над бездной хаоса мгновенно рассвел прекрасный день Божий и озарил мрачную утробу довременной тьмы. «И увидел Бог свет, что он хорош»; и «отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один».

Сотворение света

При появлении света усилилось брожение сил в клокочущем веществе хаоса. Огромные массы паров поднимались над поверхностью земного тела и окутывали его непроницаемыми тучами и мглой, так что терялась всякая грань, отделяющая его от других небесных тел. «И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделит она воду от воды; (и стало так). И создал Бог твердь; и отделил воду, которая под твердию, от воды, которая над твердию; и стало так». Нижние слои паров превратились в воду и осели на поверхность все еще клокотавшей бездны, а верхние улетучились в необъятной области небесного пространства, и над землей открылось то прекрасное голубое небо, которое мы видим теперь. Это был день второй.

Над земным телом была уже очищенная от паров атмосфера, но сама земля была еще сплошным морем. Тогда «сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша; и стало так». Сгустившееся и постепенно охлаждавшееся вещество в одних местах поднималось, в других опускалось; возвышенные места обнажались от воды, делались сушей, а углубления и впадины наполнялись сливавшейся в них водой и образовали из себя моря. «И

назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морем: и увидел Бог, что это хорошо». Но как ни хорошо было это распределение моря и суши, земля еще не обладала тем, что составляло цель ее создания: на ней не было еще никакой жизни, и лишь голые, мертвые скалы мрачно смотрели на вместилища вод.

Но вот, когда совершилось распределение воды и суши, и образовались необходимые условия для жизни, не замедлили появиться и первые начатки ее – в виде растительности. «И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя (по роду и по подобию ее), и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле, и стало так». – «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день третий».

Но растительность для своего прозябания нуждается в правильной смене света и тьмы. «И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной (для освещения земли), для отделения дня от ночи, и для знамений и времен, и дней и годов, и да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю: и стало так». По слову Творца окончательно установилась солнечная и звездная система, как она существует теперь. Солнце запылало своим могучим, животворным светом и озарило окружающие его планеты; небесигный свод украсился мириадами звезд, и чарующий блеск их вызвал восторг ангелов небесных, которые хором восхвалили Творца (Иов 38:7). «И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый».

Небо уже украшалось светилами, на земле развивалась исполинская растительность; но не было еще на земле живых существ, которые могли бы наслаждаться дарами природы. Для их существования не было еще надлежащих условий, так как воздух был насыщен вредными испарениями, которые могли способствовать лишь царству растительному. Но вот исполинская растительность очистила атмосферу, и подготовились условия для развития животной жизни. «И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живу; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной».

В силу этого божественного веления совершился новый творческий акт, не просто образовательный, как в предыдущие дни, а в полном смысле творческий, каким был и первый акт творения первобытного вещества – из ничего.

Тут создавалась душа живая, вводилось нечто такое, чего не было в существовавшем первобытном веществе. И действительно, бытописатель здесь во второй раз употребляет глагол «бара» – творить из ничего. «И сотворил Бог

рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее. И увидел Бог, что это хорошо. И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях, и птицы да размножаются на земле. И был вечер, и было утро: день пятый».

Вода и воздух наполнились жизнью, но оставалась еще пустынной третья часть земли – суша, та именно, которая представляет наиболее удобств для жизни живых существ. Но вот настало время и для ее заселения. «И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их: и стало так. И создал Бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их». Все эти животные образованы были из земли, откуда они и теперь извлекают свои питательные вещества, и в которую обращаются опять при разложении. «И увидел Бог, что это хорошо». Таким образом, земля уже во всех своих частях населилась живыми существами. Мир живых существ представлял стройное дерево, корень которого состоял из простейших, а верхние ветви из высших животных. Но это дерево было неполно, не было еще цветка, который бы завершал и украшал его вершину. Не было еще человека – царя природы. Но вот явился и он. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему (и) по подобию Нашему; и да владычествуют они над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над скотами, и над всею землею, и над всеми гадами, пресмыкающимися по земле. И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их». Здесь в третий раз совершился в полном смысле творческий акт (бара), так как человек в своем существе опять имеет нечто такое, чего не было в сотворенной до него природе, именно дух, отличающий его от всех других живых существ.

Так закончилась история творения и образования мира. «И увидел Бог все, что Он создал, и вот хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой». – «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, и почил в день седьмой от всех дел Своих, которые Он творил и созидал. И благословил Бог седьмой день и освятил его». Отсюда ведет свое начало установление субботы как дня покоя, и на этом установлении доселе основывается правильная смена труда и покоя в жизни человеческой.

II

Сотворение первых людей и их блаженная жизнь в раю

Человек как венец творения создан по особому совету Творца, и он только один создан по образу и по подобию Божию. Тело его, как и тела всех животных, образовано из земли; но духовная часть его есть непосредственное вдуновение Творца.

«И создал Господь Бог человека (Адама) из праха земного, и вдунул в лицо его дыхание жизни, и стал человек душою живою». Образ и подобие Божие в человеке поэтому состоит в духовном сыновстве его Богу, в стремлении к умственному и нравственному совершенству, дающему ему возможность господствовать над природой. Как царь творения он вводится в особый насажденный для него сад или рай в Эдеме на востоке, приводятся ему в подчинение все твари, и он делается владыкой земли.

Но человек, как разумное и духовное существо, не был бы достойным представителем Божества на земле, если бы он жил в уединении или в общении только с существами или высшими его, как ангелы, или низшими, как животные. Для него было необходимо не только для удовольствия и счастья, но еще более для совершенства божественного дела иметь помощника по себе, способного к восприятию и взаимному общению мыслей и чувств.

Между тем, среди уже созданных живых существ «для человека не нашлось помощника подобного ему». «И сказал Господь Бог: не хорошо человеку быть одному; сотворим ему помощника, соответственного ему».

И вот создается жена, и притом из ребра самого человека, взятого у него во время глубокого сна.

Как только создана была женщина, человек тотчас понял в этом деле Творца желание счастья для общественной жизни человека и пророчески произнес положение, которое стало законом брака на все последующие века: «вот это кость от костей моих, и плоть от плоти моей, она будет называться женою, ибо взята от мужа своего. Потому оставит человек отца и мать свою, и прилепится к жене своей; и будут два одна плоть».

Из этих слов, равно как и из обстоятельств самого сотворения жены, естественно вытекает, что муж и жена представляют собой единство, заключаемое в браке, что брак должен состоять из союза одного мужчины с одной женщиной, и что жена должна подчиняться мужу как его помощница, созданная для него.

«И благословил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над всеми тварями».

И вот первые люди в блаженстве своей невинности обитали в раю, пользуясь всеми его плодами и наслаждаясь всеми его радостями. Им предоставлены были все блага совершенной и невинной жизни.

В материальном отношении их окружал избыток богатейших даров райской природы, вместе с плодами деревьев, которые имели особенно чудесное значение для их телесной крепости и жизненности, давая им бессмертие.

Духовные потребности их находили полнейшее удовлетворение в непосредственном собеседовании с Богом, являвшимся «в раю во время прохлады дня», а также в изыскании лучших способов господства над подчиненной им природой и управления ею, для чего Адам нарек имена животным, а также, конечно, и всем другим предметам, устанавливая таким образом язык как средство различения предметов и общественного сношения. Но высшее совершенство их заключалось в нравственной невинности, которая состояла в отсутствии самой мысли о чем-либо нечистом и греховном. «И были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились».

III

Грехопадение и его последствия. Местонахождение рая

Пребывание первых людей в раю было пребыванием их в непосредственном общении с Богом, которое и было первой и совершеннейшей религией человеческого рода. Внешним выражением этой религии была церковь, как собрание первых двух верующих. Но так как церковь, как внешнее учреждение,

предполагает известные установления и условия, на которых основывается собрание, то и первобытная церковь была основана на особом завете между Богом и человеком. Завет этот состоял в том, чтобы человек любил Бога и ближних и оказывал Творцу своему совершенное послушание во всех Его повелениях, а Бог, с своей стороны, обетовал за это человеку продолжение его блаженного состояния, безопасность от смерти как болезненного разрушения тела и, наконец, жизнь вечную. Чтобы предоставить человеку возможность засвидетельствовать свое послушание и укреплять свою веру, Бог дал ему заповедь, которая могла служить для него испытанием, как средство укрепления того свободного нравственного самоопределения, в котором заключается высшее благо жизни. Заповедь состояла в запрещении есть от плодов дерева познания добра и зла. «И заповедал Господь Бог человеку и сказал: от всякого дерева в саду ты будешь есть; а от дерева познания добра и зла – не ешь от него; ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертию умрешь». Предоставив человеку полную свободу, Творец, однако же, этой заповедью хотел показать ему, что как существо ограниченное, он должен жить под законом и что за нарушение закона последует страшное наказание.

Откровение не сообщает, как продолжительно было блаженное пребывание первых людей в раю. Но это состояние уже возбуждало злобную ненависть врага, который, лишившись его сам, с ненавистью смотрел на невинное блаженство первых людей. Когда на земле господствовал еще мир всеобщего блаженства и она не знала зла, мир в высших своих областях уже был знаком со злом, и происходила борьба с ним. В среде высших сотворенных существ или ангелов, одаренных высшими дарами разума и свободы, некоторые уже нарушили заповедь послушания Творцу, возгордились своим совершенством (1 Тим 3:6) и не сохранили своего достоинства (Иуд 6), за что и низвергнуты были из небесного рая в преисподнюю. Зависть и жажда зла сделалась душой этих существ. Всякое благо, всякий мир, порядок, невинность, послушание ста ли ненавистны для них, и они попытались разрушить их и среди людей, наслаждавшихся блаженством райской жизни на земле. И вот в раю явился искуситель – в виде змея, который «был хитрее всех зверей полевых». При этом он употребил лукавую хитрость, направив искушение не к обоим людям и не к мужу, а к одной жене, как слабейшему члену, скорее поддающемуся увлечению.

Змей приблизился к жене и сказал ей: «Подлинно ли сказал Бог, не ешьте ни от какого дерева в раю?» В вопросе этом заключалась коварная ложь, которая должна бы сразу оттолкнуть собеседницу от искусителя. Но она, по своей невинности, не в состоянии была сразу понять здесь коварство, и, в то же время, была слишком любопытна, чтобы тотчас же прекратить разговор. Однако же она

поняла ложь вопроса и ответила, что Бог разрешил им есть от всех дерев, кроме одного лишь дерева, которое посреди рая, потому что от вкушения плодов его они могут умереть. Тогда искуситель прямо возбуждает недоверие к Богу. «Нет, – сказал он, – не умрете; но Бог знает, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло». Коварное слово глубоко запало в душу женщины. Оно возбудило ряд сомнений и душевную борьбу. Что такое добро и зло, которое она может узнать? И если люди блаженствуют в теперешнем состоянии, то в каком же блаженстве будут они, когда станут как боги?.. В тревожном возбуждении она невольно обращает взор к запретному дереву, а оно так приятно для глаз, вероятно сладостно для вкуса, а особенно заманчиво по своим таинственным свойствам. Это внешнее впечатление решило внутреннюю борьбу, и женщина «взяла плодов этого дерева, и ела; и дала также мужу своему, и он ел». Величайший переворот в истории человечества совершился. Те, которые должны были служить чистым источником всего человеческого рода, отравили себя плодами смерти. Женщина последовала змею, как бы он был выше Бога. По его внушению она сделала то, что запретил Творец. А ее муж во грехе последовал жене, которая из соблазненной тотчас же сделалась соблазнительницей.

Не замедлили сказаться и следствия вкушения запрещенного плода: у них действительно открылись глаза, как обещал искуситель, и запретный плод дал им знание; но что же узнали они? – узнали то, что они наги. Возмущенное нравственное чувство открыло перед ними сознание их наготы, ставшей победным знаком чувственности и торжества плоти, и чтобы прикрыть ее, они сшили себе смоковные листья и сделали из них опоясания – эту первичную форму одежды. Но если согрешившие устыдились так даже собственного внутреннего голоса совести, то им совершенно страшно стало предстать теперь перед Богом. Настал вечер, и прохлада теней его разливала блаженство по саду. В это время обыкновенно происходило у них собеседование с Богом, которого они до сих пор с невинной радостью ожидали и встречали, как дети своего отца. Теперь же они желают, чтобы этого момента никогда не наступало. А между тем он приблизился, и они услышали знакомый голос. Ужас объял Адама и жену его, и они «скрылись от лица Господа Бога между деревьями рая».

И воззвал Господь Бог к Адаму: «Адам, где ты?» А несчастный беглец с трепетом ответил из чащи дерев: «Голос Твой я услышал в раю и убоялся, потому что я наг, и скрылся». – «Но кто сказал тебе, что ты наг? не ел ли ты от древа, с которого Я запретил тебе есть?» Вопрос был поставлен прямо, но грешник не в силах был ответить на него так же прямо; он дал уклончивый и лукавый ответ: «Жена, которую Ты мне дал, она дала мне от древа, и я ел». Вину он сваливает

на жену и даже на Самого Бога. Господь обратился к жене: «Что ты это сделала?» Жена также, в свою очередь, отклоняет от себя вину: «Змей обольстил меня, и я ела». Жена сказала правду, но в том, что они оба старались выгородить себя от вины, заключалась ложь. В этом сразу сказалось пагубное влияние отца лжи, обольщению которого поддались первые люди, и это влияние, как испитый яд, отравило всю их нравственную и телесную природу.

Тогда Господь изрек заслуженное наказание и, прежде всего, змею, как послужившему орудием искушения: он был проклят перед всеми животными и ему определена жалкая жизнь пресмыкания на чреве своем и питания прахом земли. Жена осуждена на подчинение мужу и на тяжкие страдания и болезни при рождении детей; а муж осужден на тяжелую жизнь, так как земля, проклятая за дела человека, должна была оскудеть в своих дарах, производить терние и волчцы, и только в изнурительном поте он мог добывать себе хлеб для пропитания, пока не возвратится в землю, из которой взят был. «Ибо прах ты, и в прах возвратишься», – сказал Господь, осуждая его на телесную смерть. Страшно было наказание за преступление заповеди Божией; но как милосердный Отец, Бог не оставил Своих согрешивших чад без утешения, и тогда же дал им обетование, которое светлой надеждой на восстановление потерянного блаженства должно было поддерживать их унылый дух в дни последующих испытаний и невзгод греховной жизни. Это именно обетование о семени жены, которое долженствовало стереть главу змия, т. е. окончательно победить разрушителя блаженства людей, и восстановить людям возможность достигать блаженства и жизни вечной на небе. Это было первое обетование о Спасителе мира, и в знамение Его пришествия установлено жертвоприношение животных (видимо, уже теперь разделенных на два класса – чистых и нечистых), заклание которых должно было предзнаменовать заклание великого Агнца за грехи мира. Сделав Адаму и жене его Еве (матери живущих, как назвал ее теперь Адам) кожаные одежды (из убитых для жертвоприношения животных) и научив их одеваться, Господь изгнал их из рая, «и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к древу жизни», которого они через свой грех сделались теперь недостойны.

С изгнанием людей из рая у них среди трудов и невзгод греховной жизни изгладилась с течением времени самая память о точном его местонахождении, у разных народов мы встречаем самые смутные предания, неопределенно указывающие на Восток, как место первобытного блаженного состояния. Более точное указание находится в Библии, но и оно настолько неясно для нас при теперешнем виде земли, что по нему так же невозможно с географической точностью определить местоположение Эдема, в котором находился рай. Вот

это библейское указание: «И насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке. Из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон; она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото, и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Тихон (Геон): она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель (Тигр); она протекает перед Ассириею. Четвертая река Евфрат» (Быт 2:8–14). Из этого описания прежде всего ясно, что Эдем – это обширная страна на востоке, в которой находился рай, как меньшее помещение, назначенное для обитания первых людей. Затем название третьей и четвертой рек ясно указывает на то, что эта Эдемская страна находилась в некотором соседстве с Месопотамией. Но этим и ограничиваются понятные для нас географические указания. Первые две реки (Фисон и Тихон) не имеют теперь ничего, соответствующего себе ни по географическому положению, ни по названию, и потому они подавали повод к самым произвольным догадкам и сближениям. Одни видели в них Ганг и Нил, другие – Фазис (Рион) и Аракс, берущие свое начало на возвышенностях Армении, третьи – Сырдарью и Амударью, и так далее до бесконечности. Но все эти догадки не имеют серьезного значения и основываются на произвольных сближениях. Дальнейшим определением географического положения этих рек служат земли Хавила и Куш. Но первая из них так же загадочна, как и орошающая ее река, и можно только догадываться, судя по ее металлическим и минеральным богатствам, что это некоторая часть Аравии или Индии, служивших в древности главными источниками золота и драгоценных камней. Несколько определеннее название другой страны Куш. Этим термином в Библии обыкновенно называются страны, лежащие к югу от Палестины, и «кушиты», как потомки Хама, от его сына Хуша или Куша, встречаются на всем пространстве от Персидского залива до Южного Египта. Из всего этого можно заключить лишь одно, что Едем действительно находился в некотором соседстве с Месопотамией, на что указывают и предания всех древнейших народов, но в точности определить его местонахождение невозможно. Земная поверхность с того времени претерпела столько переворотов (особенно во время потопа), что не только могло измениться направление рек, но могла порваться и самая связь их между собой, или даже прекратиться самое существование некоторых из них. Вследствие этого науке так же прегражден доступ к точному определению местонахождения рая, как он прегражден был согрешившему Адаму – ко вкушению от древа жизни в нем.

IV

Сыновья и ближайшие потомки Адама. Каин и Авель. Два направления в жизни допотопного человечества. Долговечность патриархов. Летосчисление

Лишившись своего прежнего блаженного жилища, первые люди поселились к востоку от Эдема. Эта восточная внерайская страна сделалась колыбелью человечества. Здесь начались первые труды обыденной суровой жизни, и здесь же явилось первое поколение «рожденных» людей. «Адам познал жену свою Еву, и она зачала и родила сына, которому дала имя Каин, что значит: приобрела я человека от Господа». При первом рождении Ева переживала совершенно новые, неизвестные ей состояния – беременность и болезненность родов. Последствием их явилось новое, дорогое для нее существо, которое привело ее в восторг, выразившийся в самом его наименовании, в котором, очевидно, выражается память об обетовании Божием касательно семени жены. Но она жестоко ошиблась, предполагая в своем первом сыне начало избавления от постигшей ее кары: в нем явилось для нее лишь начало новых, неизвестных еще ей страданий и горя. Впрочем, Ева скоро сама поняла, что она слишком рано стала лелеять себя надеждой на исполнение обетования, и потому, когда родился у нее второй сын, она назвала его Авелем, что значит призрак, пар.

Теперь уже первые люди не одни: образовалось семейство, а вместе с ним стали вырабатываться и новые отношения. С приращением семейства увеличились потребности, для удовлетворения которых понадобился усиленный труд. Уже с первых дней нового положения, в которое люди поставлены были грехопадением, потребности оказались разнообразными: требовалось добывать пищу и одеяние. Соответственно этому произошло у первых людей и разделение труда: первый сын, Каин, стал обрабатывать землю для удовлетворения первой потребности – питания, а второй – Авель – стал заниматься скотоводством для добывания молока, а также и шерсти, и шкур. Выбор рода труда и занятий первых братьев, конечно, зависел от различия их характеров и склонностей. Занятия еще больше разделили их, и между первыми братьями не замедлило обнаружиться соперничество, кончившееся страшным злодеянием, какого дотоле не видела еще земля. «Однажды Каин принес от плодов земли дар Господу. И Авель также принес от первородных стада своего и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его; а на Каина и на дар его не призрел». Причину этого, конечно, нужно видеть не только в качестве самих даров, но и особенно во внутреннем расположении для принесения их. Этим навсегда давался урок, что жертва Богу должна соединяться с внутренней жертвой доброго сердца и добродетельной жизни. Между тем, если Авель принес свою жертву с верой, подтверждаемой доброй жизнью, то, напротив, Каин принес ее

очевидно без внутреннего участия, так как в жизни «дела его были злы» (1 Ин 3:12). Увидев предпочтение, оказанное брату, и видя в нем явное обличение своих «злых дел», Каин сильно огорчился, и омраченное лицо его поникло. На нем появились зловещие черты. Но совесть (этот голос Божий внутри человека) заговорила в Каине: «Почему ты огорчился, и от чего поникло лице твое? Если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? А если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним». Каин, однако, не послушался предостережения и отворил греху дверь своего сердца. Зазвав своего доверчивого брата в поле, он убил его, совершив невиданное еще землей злодеяние. Страшное злодеяние, впервые внесшее разрушение и смерть в порядок природы, не могло остаться без наказания. «Где Авель, брат твой?» – спросил Господь Каина. «Не знаю: разве я сторож брату моему?» – отвечал убийца, показывая таким ответом, какой страшный шаг вперед сделало зло со времени падения прародителей. Эта дерзость, это бесстыдное отрицание не допускали возможности дальнейшего испытания, и Господь прямо обратился к убийце с определением наказания. «Что ты сделал? голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли. И ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей. Когда ты будешь возделывать землю, она не станет больше давать силы своей для тебя; ты будешь изгнанником и скитальцем на земле». Окровавленная земля в силу этого определения должна была потерять свое прежнее плодородие, так что Каину нельзя уже было оставаться в прежнем месте. Проклятие, вызванное первородным грехом, также пало на землю и только посредственно на человека; теперь же, когда грех дошел до убийства, проклятие падает уже на самого убийцу, но не безусловное проклятие, а проклятие изгнания, в силу которого земля, в качестве исполнительницы воли Божией, не давая своих плодов Каину, должна была принудить его удалиться из первобытной колыбели человечества. Ввиду тяжести возложенного наказания, упорство Каина сломилось и перешло в малодушие и отчаяние. «Наказание мое, – воскликнул он, – больше, нежели снести можно. Пусть всякий, кто встретится, убьет меня». Но это желание Каина, вызванное его отчаянием, было преступно и потому не могло быть исполнено. Как наказанный убийца, он должен был служить предостерегающим примером для других. Поэтому всякому, кто бы решился на убийство Каина, должно было всемеро отомститься. Поникшее, искаженное злодейством лицо его должно было служить знаком, чтобы никто, встретившись с ним, не убил его – будет ли то дикий зверь, или кто из братьев его.

И пошел Каин скитаться по земле, и, наконец, поселился в земле Нод, еще далее на восток от Эдема. Трудно определить точное положение этой страны. Некоторые исследователи указывают на Северную Индию, Китай и др. Во всяком

случае, это земля, удаленная от первичного поселения людей, страна «изгнания», как показывает и самое ее название. Но туда Каин удалился не один. Как ни велико было его злодеяние и оскорбление, нанесенное чистоте и святости братской любви, из среды размножившихся за это время братьев, сестер и последующих поколений нашлись люди, которые решились последовать за Каином в страну изгнания, так что он поселился там с женой. Здесь у него родился сын, которого он назвал Енохом. Удаленный от остального общества людей, предоставленный своей собственной судьбе, Каин, от природы суровый и упорный, теперь еще с большим упорством должен был бороться с природой и внешними условиями жизни. И он действительно весь отдался тяжелому труду для обеспечения своего существования и был первым человеком, который построил город как начало оседлой жизни. Город назван был по имени сына его Еноха. Некоторые исследователи возражают, будто бы немыслимо допустить построение города в такое раннее время. Но до этого события могло пройти от происхождения человека уже несколько столетий, в продолжение которых люди могли прийти к мысли о лучших средствах защиты своего существования от внешних врагов. Притом, под именем «города», конечно, нельзя разуметь в собственном теперешнем смысле город, а просто ограду, возведенную для защиты находившегося среди ее жилища.

Поколение Каина стало быстро размножаться, а вместе с тем продолжалась начатая его родоначальником борьба с природой (культура). Из среды его выходили люди, которые, наследовав от Каина упорную волю в борьбе с природой, продолжали неутомимо изыскивать новые средства для успешнейшего ведения ее. Особенно замечательно в этом отношении семейство Ламеха, шестого члена в поколении Каина по прямой от него линии[1 - Вот последовательный ряд представителей этого поколения: Каин, Енох, Ирад, Мехиаель, Мафусал и Ламех (Быт 4:18). Встречающиеся здесь имена Еноха, Мафусала и Ламеха не нужно смешивать с подобными же именами в другом поколении – Сифовом.].

Сам Ламех замечателен в истории человечества тем, что он первый нарушил естественный, установленный при начале, порядок брачных отношений и ввел многоженство, сделавшееся впоследствии источником ужасного попрания человеческого достоинства женщины, особенно на Востоке. Подчиняясь своей страстной натуре, он взял себе две жены – Аду и Циллу. От них родились сыновья, которые явились изобретателями первых ремесел и искусств. От Ады родился Иавал. Он первый изобрел палатки и с ними начал вести вполне кочевую жизнь, перенося шатры и перегоняя стада с одного места на другое.

Убийство Авеля

Брат его Иувал был более поэтической натуры и прославился изобретением инструментов, посредством которых можно выражать порывы и чувства души. Он первый изобрел гусли и свирель и есть отец всех играющих на них. Гусли или арфа (по-еврейски кинур), по описанию Иосифа Флавия, имела десять струн, на которых играли при помощи плектра – особой музыкальной палочки. Изобретение Иувала, конечно, представляло простейшую форму струнного инструмента. Замечательно при этом, что первые музыкальные инструменты изобретены братом первого скотовода-кочевника, принимавшим, вероятно, в занятиях последнего близкое участие: большой и счастливый досуг этого занятия дает более всего поводов к такому изобретению. От Циллы у Ламеха также родился замечательный сын по имени Тувал-Каин. Он прославился самым полезным изобретением для борьбы с природой, именно пришел к мысли воспользоваться металлами для приготовления из них прочных орудий защиты и хозяйства и стал ковать эти орудия из меди и железа. До него все орудия для защиты или инструменты для домашних хозяйственных занятий, вероятно, приготавливались из камня, дерева или костей. Дикие народы до сих пор обходятся с такими орудиями, и в постепенном приближении их к цивилизованным народам эти первобытные орудия сменяются сначала медными и бронзовыми (в Южной Америке – золотыми), а потом уже железными. Сестру Тувал-Каина Ноему – «Прекрасную» – предание называет изобретательницей тонов и песен. Но поэзия в собственном смысле обязана своим началом самому Ламеху, этому отцу стольких изобретателей. Восхищенный изобретениями своих сыновей, а особенно Тувал-Каина, он обратился к своим женам с такой речью:

Ада и Цилла, послушайте голоса моего,

Жены Ламеховы, внимайте словам моим:

Я убил бы мужа за язву мне,

И отрока за рану мне.

Если за Каина отомстится всемеро,

То за Ламеха в семьдесят раз всемеро.

В этом шестистишии представляется первый пример собственно поэтической речи в первобытную эпоху, и песнь эта представляет верное отражение еврейской, как самой древней, поэзии. Что касается содержания этой первобытной поэмы, то в общем смысл ее таков. Среди насилий и жестокостей того времени, особенно свирепствовавших между потомками Каина, Ламех утешает своих жен уверением, что с помощью медного и железного оружия, находящегося теперь, благодаря изобретению Тувал-Каина, в его руках, он может убить всякого, кто бы осмелился оскорбить его; и если Каину было обещано, что за него отомстится всемеро, то в руках потомства Ламехова теперь есть средство отмстить за себя в семьдесят раз всемеро. В этой поэме выразился тот дух высокомерия и самонадеянности, которым отличалось в своей жизни и в своем характере потомство преступного и мрачного изгнанника. Ламех смотрит на только что изобретенное оружие, которое выковал его сын, и из груди его вырывается песнь торжества. Как далеко он опередил своего предка Каина, принужденного беспомощно скитаться по земле! Он уже не нуждается теперь в посторонней помощи и сам сумеет защитить себя во всякое время. Он не только не боится убийства, но он сам воспевает убийство. Вот к чему пришло потомство первого убийцы. Потомки Каина всю свою деятельность направили на обеспечение материальной жизни. Эти чисто житейские заботы до такой степени поглощали все силы Каинова поколения, что оно, очевидно, совершенно пренебрегало интересами духовной жизни. Отличаясь упорной самонадеянностью, оно, видимо, жило в полном порабощении житейской суете и отличалось грубым безверием, с неизбежными его плодами – пороками и преступлениями. При таком направлении оно, очевидно, не могло быть истинным представителем человеческого рода и, тем более, хранителем великих духовных сокровищ – первого обетования о Спасителе и связанных с ним первобытных религиозных и нравственных установлений. Оно, по своей грубой односторонности, грозило только извратить предназначенный человечеству исторический ход развития. Этому одностороннему направлению необходим был противовес. И он действительно явился в поколении нового сына Адамова – Сифа, родившегося на место убитого Авеля. Сифом начинается в истории то поколение людей, которое по своему духовному настроению представляло полную противоположность потомству Каина. В поколении Каина люди, поклоняясь единственно материальной силе, все свои способности (до полного забвения о Боге) обращали на вырабатывание и приобретение средств, увеличивающих эту силу; здесь, напротив, вырабатывалось и развивалось совершенно иное, более возвышенное направление, которое, пробуждая в людях смиренное сознание человеческой беспомощности и греховности, устремляло их помыслы к верховному Покровителю, давшему падшим людям обетование будущего избавления. Направление это заявило о себе уже при сыне Сифа –

Еносе: «Тогда, – говорит библейская летопись, – начали призывать имя Господа Бога (Иеговы)». Это, конечно, не значит, что до этого времени совершенно не было в употреблении молитв как призывания Бога. Религия стала выражаться во внешних формах, а следовательно, и в молитве, еще при первых сыновьях Адама – в приношении Богу дара. Выражение это означает лишь то, что теперь в поколении Сифа призывание имени Господа Бога сделалось открытым исповеданием их веры в Бога, знаменем, которое отличало их от Каинова поколения с его грубым безверием и нечестием. Высшим выразителем и представителем этого направления явился Енох, который «ходил перед Богом», т. е. во всей своей жизни отражал высоту первоначальной человеческой чистоты и святости. Вместе с тем, он первый сознал, к какой бездне порочности и греховности может привести каиновское направление, и выступил первым проповедником и пророком, предвозвещавшим Страшный суд Божий над «нечестивыми». «Се, – говорил он, – идет Господь со тьмами святых Ангелов Своих – сотворить суд над всеми и обличить всех между ними нечестивых во всех делах, которые произвело их нечестие, и во всех жестоких словах, которые произносили на Него нечестивые грешники» (Иуд 14–15). В награду за это высокое благочестие и великую веру Бог «взял его» с грешной земли и тем освободил от вызванной грехом смерти (Евр 11:5).

Новое поколение, в котором проявилось противоположное каиновскому направление, будучи носителем истинной религии и связанного с ней обетования, естественно, должно было стать тем корнем, из которого надлежало развиться всему дереву человечества. И оно действительно стало им. Ход исторического развития, начинаясь от первого человека и разделяясь на два течения, главнейшим своим руслом направился в сторону этого именно поколения. В этом поколении выступают один за другим те великие представители первобытного человечества или патриархи, которые, крепкие духом и телом, призваны были долговечным трудом вырабатывать и сохранять начала, долженствовавшие лечь в основу жизни всех дальнейших поколений. Для успешнейшего осуществления своего назначения они, по особому промышлению Божию, наделены были необыкновенной долговечностью, так что каждый из них почти целое тысячелетие мог быть живым хранителем и истолкователем вверенного им обетования.

Первый человек Адам, этот первый виновник совершившегося в истории человечества переворота и первый свидетель великого обетования о Спасителе, жил 930 лет; его сын Сиф – 912 лет; сын Сифа Енос – 905 лет; представители последующих поколений: Каинан – 910 лет, Малелеил – 895, Иаред – 962, Енох, жизнь которого прервана взятием на небо, – 365, Мафусал – 969, Ламех – 777 и

сын последнего, Ной, – 950 лет. Об этой необычайной долговечности патриархов единогласно свидетельствует предание всех древних народов. При суждении о ней нужно иметь в виду, что они были близкие потомки только что созданных людей (и притом созданных бессмертными), естественные условия жизни были отличны от нынешних, сама жизнь была проста и естественна, да и вообще в состоянии природы после райского ее состояния не вдруг произошли те перемены, которые сделали ее влияние часто разрушительным для жизни. Еще и теперь продолжительность жизни человеческой достигает до 200 лет и между африканскими арабами, по свидетельству путешественников, даже не редко. Почему же нельзя считать возможной более чем в 200 лет продолжительность жизни в первобытное время, когда первобытные ископаемые останки указывают на грандиозные размеры и исполинскую крепость живших тогда существ? Доказано, что некоторые животные, и особенно птицы, и теперь живут 300–400 лет. Не невозможно поэтому, что и человек в стране своего первоначального происхождения и при образе жизни, более сообразном с природой, чем теперь, мог жить так долго, как именно свидетельствует летопись библейская.

Летосчисление жизни патриархов служит основой и для общего определения жизни человечества на земле, для установления хронологии первобытной истории. Построение ее облегчается и упрощается тем, что счет лет патриархам ведется в библейской летописи троякий: 1) от начала жизни до рождения первого сына, 2) от рождения первого сына до конца жизни и 3) число лет всей жизни.

Особенно важен первый счет. Он дает возможность провести непрерывную линию лет от Адама до всякого последующего патриарха: следует только складывать годы каждого, прожитые до рождения первого сына. Так, Адаму было 130 лет, когда у него родился сын Сиф, Сифу было 105 лет при рождении Еноса, Еносу было 90 лет при рождении Каинана. Сумма этих лет составит период от сотворения Адама до рождения Каинана: 130 + 105 + 90 = 325 лет. Тем же способом можно определить количество лет от Адама до Ноя, от которого началась новая эпоха в истории человечества[2 - По еврейскому тексту счисление представляется в таком виде: Адам – 130, Сиф —105, Енос – 90, Каинан – 70, Малелеил – 65, Иаред – 162, Енох – 65, Мафусал – 187, Ламех – 182, Ной – 500, Сим до потопа – 100. Сумма этих цифр – 1656 – составляет количество лет от сотворения Адама до потопа.].

Но при видимой простоте летосчисление представляет почти неразрешимые трудности в другом отношении. Чтобы установить хронологию этой первобытной эпохи, необходимо еще предварительно найти прочную опору в самом счете лет жизни патриархов – как всей, так и до рождения первого сына, так как этот счет значительно разнится в трех наиболее древних и авторитетных текстах библейской летописи: еврейском, самаританском и греческом. Разницу эту можно видеть из сравнительной таблицы, приведенной выше.

Над разрешением и соглашением этого различия в счете лет трудились многочисленные толкователи, но до сих пор дело не выяснено с достаточной полнотой.

Делались всевозможные предположения. Одни объясняют эту разницу из случайных ошибок переписчиков святых книг; другие в отступлениях самаритянского текста видят последовательное стремление к уменьшению невероятной будто бы долговечности патриархов, а в отступлениях греческого текста от еврейского – стремление семидесяти толковников подвести библейское летосчисление под формы египетского; иные, наконец, в уменьшенных показаниях еврейского текста видят преднамеренное искажение текста иудеями, желавшими этим доказать, что еще «не пришло исполнение времен», которое по древнему пророчеству должно было совершиться на шестой тысяче лет от сотворения мира.

Больше вероятности имеют первое и последнее предположения, хотя, быть может, существовали и другие причины, еще неоткрытые наукой.

Во всяком случае, показания греческого перевода имеют за себя больше оснований, и они легли в основу летосчисления, принятого православной церковью и поддерживаемого многими знаменитыми учеными-исследователями. По этому летосчислению рассмотренный период обнимает (до потопа) 2 262 года.

Период второй

От потопа до Авраама

V

Потоп

Необычайное долголетие патриархов было необходимо в первобытной истории человечества как для скорейшего заселения земли и распространения полезных познаний, так и особенно для сохранения чистоты первоначального богопочтения и веры в данное первым людям обетование Избавителя. Патриарх каждого поколения мог передавать свои знания в течение целых столетий родоначальникам других поколений, которые, в свою очередь, передавали их далее в течение новых столетий. Так, Адам мог быть живым свидетелем первобытных преданий до самого рождения Ламеха, а отец последнего Мафусал – долговечнейший из людей – жил почти до самого потопа и умер за шесть лет до его наступления[3 - По еврейскому тексту – в самый год наступления потопа.].

Но, с другой стороны, долголетие могло служить и удобнейшим средством умножения и распространения зла в человечестве. При необычайной редкости случаев смерти, с ее ужасами, совесть людей лишена была одного из страшнейших предостережений; затем сообщество злых людей содействовало умножению зла и порока, а кажущаяся отдаленность суда или избавления могла придавать смелость самому дерзкому неверию и кощунству. И вот, действительно, зло стало сильно разрастаться в мире; но высшего своего развития оно достигло вследствие смешения между собой потомков Каина и Сифа, и именно, когда по грубому влечению чувственности «сыны Божии (потомки Сифа) увидели дочерей человеческих (из потомства Каина), что они красивы, и брали их себе в жены, какую кто избрал». В это время земля была уже значительно населена, но вместе с заселением ее распространилось страшное зло порочности и развращения. «И увидел Господь Бог, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время». Это, очевидно, была не простая порочность испорченной натуры, а всеобщее господство открытого и дерзкого греха и восстания против Бога. От преступно сладострастного общения потомков Сифовых с потомками Каиновыми произошло поколение «исполинов на земле», слагаясь на свою силу, они внесли в человеческое общество ужасы насилия, бесправия, хищничества, сладострастия и всеобщего неверия в обетование будущего избавление. Когда поколение Сифа жило обособленным, оставалась

еще надежда на сохранение истинной религии и связанного с нею обетования, а теперь погибла и эта надежда, и оставался единственный исход для искоренения порока и неверия на земле – истребить все существующее человечество. И вот, при виде такого состояния людей, «раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем. И сказал Господь, истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их». Как созданные одновременно с человеком и для человека, животные постоянно должны разделять участь человека.

Но волны порока еще не залили всего человечества. Среди него оказался человек, который «обрел благодать перед очами Господа Бога». Это был Ной, сын Ламеха, «человек праведный и непорочный в роде своем»; он «ходил перед Богом», как и его предок Енох. И вот, когда земля «растлилась перед лицем Божиим и наполнилась злодеянием», когда «всякая плоть извратила путь свой на земле», Господь сказал Ною: «Конец всякой плоти пришел перед лице Мое, и Я истреблю их с лица земли. Сделай себе ковчег. Я наведу на землю потоп водный, чтобы истребить всякую плоть, в которой есть дух жизни, под небесами; все, что есть на земле, лишится жизни. Но с тобою поставлю завет Мой, и войдешь в ковчег ты, и сыновья твои, и жена твоя, и жены сынов твоих с тобою». Откровение было страшное и ввиду того, что кругом царило самое дерзкое неверие, служило сильным испытанием веры. Бог назначил сто двадцать лет на раскаяние человеческому роду, и в это время Ной должен был приступить к своему необычайному сооружению, которое могло вызывать у окружающих людей лишь насмешки и угрозы. Но вера его была непоколебима.

Ной был не только наследником праведности и веры, но и проповедником ее на земле, и, «получив откровение о том, что еще не было видимо» (Евр 11:7), приступил к сооружению ковчега для спасения дома своего, обличая своей проповедью весь мир с его неверием и беззаконием. Ковчег строился по точному указанию Божию – из дерева гофер, что более всего подходит к кипарису, и был осмолен внутри и снаружи. Длина ковчега была 300 локтей, ширина 50 локтей, и высота 30 локтей[4 - Если считать локоть в 21 дюйм (т. е. 12 вершков), то это составит 525 футов длины, 87? ширины и 52 ? высоты. По вычислению бл. Августина (о граде Божием 15:26), размеры ковчега в его трех измерениях были те же, что и пропорциональные размеры нормального человеческого тела, «длина которого от подошвы до маковки в шесть раз более ширины груди и в десять раз более толщины или глубины лежащей фигуры человека, измеряемой по прямой линии от земли». В 1609 г. один голландец, Петр Янсен, в Гоорне построил корабль как раз по форме Ноева ковчега, и оказалось, что при такой

форме корабль представляет гораздо большую вместительность (именно на одну треть), чем при обычной форме построения кораблей.]. Наверху было сделано длинное отверстие по всему ковчегу – в локоть ширины, для света и воздуха, а сбоку дверь. Он должен был состоять из трех ярусов, со множеством отделений в них. Последние предназначались для животных, которых Ной также должен был взять с собой (по семи пар чистых и по одной нечистых), а также и для жизненных припасов. «И сделал Ной все, что повелел ему Господь Бог». Несомненно, во время этой величественной постройки Ной продолжал вместе с тем «проповедовать праведность», особенно, когда это вызывалось присутствием любопытствующих и насмехающихся людей беззакония, приходивших смотреть на его построение. Но самой красноречивой и громкой проповедью было это самое сооружение. Долготерпение Божие все еще ожидало пробуждения покаяния и во время самого построение ковчега, но все было напрасно. Издеваясь над проповедью и грозным предостережением, люди становились еще более беззаботными и беззаконными. Они «ели, пили, женились и выходили замуж до того, как вошел Ной в ковчег; и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех» (Мф 24:38–39). Ко времени окончания построения ковчега Ною было шестьсот лет, и тогда, не видя больше надежды на покаяние грешного человечества, Господь повелел Ною войти в ковчег со всем своим семейством и определенным количеством животных. «Ибо чрез семь дней, – сказал Он, – Я буду изливать дождь на землю сорок дней и сорок ночей; и истреблю все существующее, что Я создал, с лица земли». Ной повиновался и вошел в ковчег со своими тремя сыновьями Симом, Хамом и Иафетом, со своей женой и женами своих сыновей, захватив и всех отобранных животных, и «Господь затворил за ним ковчег». И вот, когда прошли и эти семь дней, прошел последний срок, данный для покаяния, «воды потопа пришли на землю. В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый (27) день месяца (т. е. по нашему счислению, если здесь имеется в виду гражданский еврейский год – около начала или половины ноября) разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились; и лился на землю дождь сорок дней и сорок ночей».

Так совершилось великое наказание Божие развращенному и утопавшему во зле человечеству. Вода быстро затопляла все и поднималась все выше и выше, на пятнадцать локтей покрывая даже высочайшие горы. «И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и птицы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди. Все, что имело дыхание духа жизни в ноздрях своих на суше, умерло. Истребилось всякое существо, которое было на поверхности (всей) земли; остался только Ной, и что было с ним в ковчеге». Вода же прибывала в течение ста пятидесяти дней или пяти месяцев. Вся поверхность земли

покрылась водой, и по этому необъятному морю носился только один ковчег Ноев, заключавший в себе лишь избранное семя для развития новой жизни на земле. «И вспомнил Бог о Ное и о всех бывших с ним в ковчеге, и навел Бог ветры на землю, и воды остановились». Источники бездны закрылись, дождь прекратился, и вода пошла на убыль. Ровно через пять месяцев с начала потопа ковчег остановился на горах Араратских. В первый день десятого месяца показались верхи гор, а еще по прошествии сорока дней Ной уже открыл окно в ковчеге, и выпустил первого вестника – ворона, который, однако же, вылетев и найдя, видимо, обильную для себя пищу в трупах на вершинах обнажившихся гор, не дал ясного извещения о состоянии земли, а неопределенно отлетал и прилетал, пока осушилась земля от воды». Выпущенный затем голубь, не найдя сухого места, возвратился в ковчег, выпущенный опять через семь дней он возвратился со свежим масличным листом во рту, и Ной таким образом «узнал, что вода сошла с земли». Выпущенный еще через семь дней голубь уже не возвратился. Тогда Ной открыл кровлю ковчега и увидел, что поверхность земли обсохла, а к двадцать седьмому дню второго месяца шестисот первого года жизни Ноя, т. е. ровно через год со времени наступления потопа, и совсем осушилась.

Ной выпускает голубя

Тогда Господь повелел Ною выйти из ковчега и распустить животных для размножения на земле. По выходе из ковчега первой мыслью Ноя было воздать благодарение Господу за столь чудесное спасение; он воздвиг жертвенник Господу, взял чистых животных и птиц и принес их во всесожжение. Такое благочестие Ноя было приятно Господу и «Он сказал в сердце Своем: не буду более проклинать землю за человека, потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его, и не буду больше поражать всего живущего, как Я сделал. Впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся».

Так как Ной со своим семейством являлся новым родоначальником человечества на земле, то Бог повторил ему благословение, некогда данное первым людям. «И благословил Бог Ноя и сынов его, и сказал им: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, (и обладайте ею)». Все звери были приведены человеку в подчинение, и ему разрешено было кроме растительной пищи употребление в

пищу и мяса животных, но не крови их, потому что «в крови животных душа их». В то же время дан был закон против человекоубийства – на том основании, что все люди братья, и потому всякое убийство есть братоубийство, и что человек создан по образу Божию. Первый убийца был изгнан из общества людей, но жизнь его объявлена неприкосновенной; теперь было постановлено, что «кто прольет кровь человека, того кровь прольется рукою человека». Этим законом устанавливалось право гражданской власти наказывать убийц смертью. Таким образом, к установлению субботы и брака было присоединено три новых постановления – о воздержании употребления крови, о запрещении убийства и о праве гражданской власти. Это так называемые «Ноевы законы», которых иудеи насчитывали семь, прибавляя к ним еще постановление против идолопоклонства, богохульства, распутства и воровства. Наконец, в завершение этих отдельных постановлений, Бог заключил с Ноем торжественный завет, т. е. один из тех договоров, которыми Он из любви к людям принимал на Себя известные обязательства, чтобы посредством их и на человека возложить спасительные для него обязательства. В силу этого завета Он торжественно обещал Ною, что «не будет более истреблена всякая плоть водами потопа, и не будет уже потопа на истребление земли», и знаменем этого завета была указана радуга, появляющаяся в небе после дождя в знак того, что это не дождь потопа, а дождь благословения.

С историей потопа связываются некоторые недоумения, которые заставляют иногда перетолковывать ее действительный смысл. 1) Так, некоторые считают невозможным разуметь здесь в собственном смысле всемирный потоп, покрывший всю землю, и понимают его всемирность лишь в смысле всеобщего погубления людей в тех странах, на которых они успели дотоле расселиться. Но такое ограничение ничем не оправдывается, хотя оно и не непримиримо с прямыми библейскими выражениями, и, напротив, опровергается геологическими следами потопа в самых отдаленных частях земной поверхности. Притом, и науке известны такие перевороты на земле, когда целые материки покрывались водой, как например, материк Атлантида, закрытый теперь Атлантическим океаном. Если такие явления возможны в силу естественных переворотов, то тем понятнее становится в полном смысле всемирный потоп как страшное Божие наказание для истребления жизни на грешной земле. 2) Если допустить всемирность потопа, то будто бы немыслимо было собрать все породы животных в том помещении, какое представлял Ноев ковчег. Но нужно иметь в виду, что в ковчег могли быть взяты лишь такие породы, которые решительно не могли пережить потопа и просуществовать в воде даже в виде зародышей и семени, чтобы после возродиться из них от солнечной теплоты; затем, по теперешнему разнообразию пород нельзя судить о

породах допотопных, которых было несравненно меньше; и, наконец, многие породы несомненно прямо были обречены на истребление, как например, все те страшные допотопные чудовища (мамонты, мастодонты и пр.), останки которых находят в слоях земли и которые теперь не существуют в действительности. Таким образом, за исключением всего этого останется уже не так много, чтобы не поместиться в ковчег, с которым по величине и вместительности не может сравняться ни один даже из теперешних исполинских кораблей, плавающих по океанам. Что же касается, вообще, истинности истории потопа, то она находит поразительное подтверждение во всеобщности предания различных и самых отдаленных между собой народов. Как и естественно, предания различных народов в подробностях переполнены легендарными сказаниями, имеющими местный оттенок, но общий смысл их указывает на один общий потоп, погубивший все грешное человечество, за исключением одного благочестивого семейства. Такие предания мы встречаем у греков и народов Восточной и Западной Азии, встречаем даже у туземцев Америки и на самых отдаленных островах Океании. Но самое интересное и сходное с библейским повествование найдено у древних вавилонян. Это – халдейское повествование, подлинник которого недавно открыт и прочитан на каменных плитах из развалин Ниневии. Оно даже в подробностях подтверждает истинность библейского повествования. Все эти предания как бы указывают на один общий источник, откуда они разнесены были отдельными племенами при расселении их по всем странам земли.

VI

Потомки Ноя. Родословие народов. Столпотворение Вавилонское и рассеяние народов. Начало идолопоклонства

После потопа опять началась обыденная жизнь, с ее обычными заботами и трудами. Ной был примером благочестия, трудолюбия и других добродетелей для своих детей. Но истинно слово Божие, что «помышление сердца человеческого – зло от юности его», и сам праведный Ной вскоре показал своим сыновьям и пример порочной слабости. Он рассадил виноградник, воспользовавшись для этого, по иудейскому преданию, отростком лозы, высунувшейся из ограды райской. Не знал ли он действия плода виноградного, или в употреблении его проявилась в нем наклонность к пороку, отличавшему погубленных потопом людей, которые неумеренно «ели и пили», во всяком

случае он опьянел и повалился в неблагопристойном положении – «обнаженным в шатре своем», чем вызвал непочтительное и насмешливое отношение к себе со стороны своего сына Хама. Только другие сыновья – Сим и Иафет отнеслись к нему с почтением и прикрыли его. Узнав об этом, Ной выразил свои чувства в словах, которые получили пророческое значение для судьбы потомков его сыновей. Первобытное состояние общества было патриархальным. Патриарх, т. е. глава рода, имел над своими детьми и их потомками неограниченную власть, принадлежавшую впоследствии царю; он был в то же время священником, который приносил жертвы, и пророком, как хранителем истинной религии и провозвестником будущих судеб. Поэтому сказанное Ноем своим сыновьям действительно имело решающее значение для их будущей судьбы. Хам за его непочтение к своему родителю и патриарху был проклят в лице своего сына Ханаана; Сим благословлен как представитель истинного благочестия, а Иафету предсказано необычайное распространение на земле, и обоим им Ханаан отдан в рабство. Смысл этого пророчества таков: земля будет разделена между людьми и наибольшее пространство займут потомки Иафета; истинная религия сохранится в потомстве Сима; в определенные времена он покорит себе землю Ханаанскую с населяющим ее племенем, и в его стране явится Искупитель мира. Потомки Иафета также вселятся в шатрах Симовых, т. е. войдут в землю Ханаанскую, как символ основанной в ней истинной церкви.

Сам Ной после потопа жил еще 350 лет и умер 950 лет от роду, будучи последним представителем допотопной долговечности. Больше о нем ничего не сообщается в библейской летописи, которая переходит к описанию дальнейшей судьбы его потомков. Земля была разделена на три части между потомками трех сыновей Ноя. Потомки Сима заняли Азию, по преимуществу Аравийский полуостров с прилегающими странами; потомки Хама поселились почти исключительно в Африке с отпрысками в соседние страны Азии, и потомки Иафета заселили всю обитаемую в то время северную полосу земли, идущую от колыбели послепотопного человечества через Малую Азию в Европу, по северному берегу Средиземного моря. На происхождение населения этих стран света от трех сыновей Ноя указывает то обстоятельство, что многочисленные языки, на которых говорят народы и племена в этих частях света, наука сводит к трем основным корням, несомненно имеющим свое общее начало в первобытном языке, каким он был до «смешения языков». В частности, из потомков Иафета можно указать произошедшие от его сыновей и внуков народы: от Гомера – кимвры, от Магога – скифы, от Мадая – мидяне, от Иавана – греки (ионяне), от Фираса – фракийцы и так далее. От Сима произошли все семитские народы, населявшие Аравию и другие соседние страны Азии. Он был «отец всех сынов Еверовых», т. е. племен и народов, родственных народу еврейскому. Наконец, из

сыновей Хама Хуш (или Куш) был родоначальником населения Ефиопии, Мицраим – Египта, Фут – Ливии и Ханаан – населения земли Ханаанской, или Палестины.

Вавилонская башня

Потомство Хамово поселилось почти исключительно в Африке, кроме Ханаана, который занял Палестину и впоследствии был отчасти изгнан из нее израильтянами. Но был еще один потомок Хамов, который также поселился в Азии. Это именно Нимрод, сын Хуша, основатель Вавилонского царства и покоритель Ассирии. Это был «сильный зверолов», но по своему характеру он напоминает первого строителя городов – Каина с его ближайшим потомством. Он основал город (Вавилон), который быстро разросся в большую, гордую столицу, ставшую во главе многочисленного населения с целым рядом других соседних городов. Неудивительно, что такой успех наполнил Нимрода и его потомков необычайной гордостью. Они начали мечтать об основании всемирной монархии, чтобы объединить под своей властью все народы земли и господствовать над ними вопреки воле Божией, определившей им быть рабами. И вот с этой целью основав могущественный город в земле Сеннаар, как в древности называлась Месопотамия, они составили совет, на котором порешили в знак своего политического могущества и в выражение своей гордости построить «башню, вышиною до небес». Предприятие, очевидно, было безумное и неисполнимое, но оно в то же время было преступное и опасное: преступное потому, что вытекало из гордости, граничившей с самонадеянностью и отвержением Бога, и опасное потому, что исходило из среды проклятого и неблагословенного потомства Хамова. Успех его в этом деле мог пагубно повлиять на остальные народы и таким образом заразить и их преступной самонадеянностью и нечестием. И вот, когда закипела работа, обжигались кирпичи и приготавливалась земляная смола, Господь порешил наказать их за безумное предприятие. «И сказал Господь: вот один народ, и один у всех язык, и не отстанут они от того, что задумали делать. Сойдем же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речь другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон; ибо там смешал господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле». Около местоположения Древнего Вавилона и теперь высятся громадные развалины какой-то исполинской, в семь разноцветных этажей

башни, называемой Бирс-Нимруд, т. е. «Башней Нимрода», и предание иудейское видит в ней именно ту башню, построением которой до небес племя Хамово хотело прославить свое имя. Что касается «смешения языков», то не нужно отождествлять его с происхождением языков. Мы не знаем, в чем состояло это смешение, или какие начатки языка различные народы понесли с собой при рассеянии. Несомненно, что в это именно время произошли главные особенности, которыми отличаются различные классы языков, и что строители рассеялись потому, что не могли уже понимать друг друга. Но это не значит, что тогда сразу образовались языки, какими они существуют теперь. Сравнительное языкознание открывает в строении и развитии языков стройные и чудесные законы, чуждые всякого беспорядочного смешения. Смешение могло состоять в различном выговоре и сочетании слов (достаточном для взаимного непонимания), и по расселении в различные страны на основании этих особенностей уже выработались отдельные языки.

Так как нечестивое потомство Хамово, забывшее Бога и всецело полагавшееся на себя, не замедлило бы привить отличавшее его безбожие всем другим племенам и народам, которые оно хотело объединить под владычеством Вавилона, то с рассеянием народов была предотвращена опасность быстрого распространения этого зла. Но задатки самого зла все-таки остались, «потому что помышление сердца человеческого – зло от юности его». Расходясь все дальше и дальше от первоначальной колыбели человечества и тех родоначальников, которые хранили истинную веру в Бога и связанные с нею истины, и встречаясь со множеством невиданных предметов и опасностей, народы мало по малу стали всецело сосредоточиваться на этих ближайших предметах; у них затемнялась память об общих преданиях предков, а вместе с тем затемнялось и самое понятие о Боге. Среди множества трудностей и опасностей им нужен был такой Бог, который был бы вблизи их и к которому можно бы прибегать за помощью при всяком наличном бедствии. Между тем Бог отцов их был для них невидим и лишь неясно предносился их воображению. Ввиду этого они легко могли перейти к боготворению чего-нибудь такого видимого, что могло особенно поражать их воображение своим величием, красотой, пользой или страхом. Так произошло идолопоклонство или язычество, которое есть не что иное, как отвержение невидимого и суеверная привязанность к видимому. Вместо невидимого Творца и Промыслителя человек стал боготворить видимое – прежде всего, быть может, солнце, луну и звезды, как благодетельные светила, дававшие жизнь и руководившие в странствовании, затем предметы окружающего неодушевленного и одушевленного мира (полезных или страшных животных), и, наконец, выдающихся чем-нибудь людей, которые в качестве героев делались полубогами

и по смерти переходили в сонм богов. Боготворение видимого неба (сабеизм), видимой и особенно одушевленной природы (зоотеизм) и человека (антропотеизм) составляет три главные ступени язычества и как внешнего его выражения – идолопоклонства. Эти три вида идолопоклонства нашли впоследствии наиболее резкое выражение в трех отдельных странах – Месопотамии, Египте и Греции. Правда, человек не удовлетворялся таким грубым идолопоклонством и кроме всех видимых богов постоянно признавал над всеми и даже над богами господство высшей, неумолимой судьбы (в чем нельзя не видеть неясных следов воспоминания о едином всемогущем Боге-Промыслителе), но идолопоклонство уже по самой своей сущности приковывало ум к грубо чувственным предметам и отвлекало от всего сверхчувственного. Чувственные божества заставляли боготворить в них чувственные силы и свойства, и с распространением нечестия дело дошло до того, что люди стали боготворить и освящать в своих чувственных божествах даже грубые пороки, подражание которым и ставилось в религиозный долг.

И вот таким образом вместо истинного благоговения и богопочтения на земле распространилось грубое идолопоклонство и нечестие. Волны греха и суеверия опять затопляли землю и опять грозили окончательно погубить и искоренить истинную религию с ее основным корнем, заключавшимся в великом обетовании будущего Спасителя мира от рабства греху и нравственной смерти. Правда, на земле среди всеобщего идолопоклонства и нечестия оставались еще отдельные лица, которые сохраняли истинную веру. Но окружающая среда скоро могла увлечь и их общим потоком нечестия. Поэтому, чтобы сохранить семена истинной веры для будущего, необходимо было выделить какого-нибудь носителя их из среды беззакония и сделать его избранным отцом и родоначальником нового поколения верующих. Так и устроено было благим промыслом Божиим.

Это было через 352 года после потопа по еврейскому счислению и через 1207 – по греческому. Последнее счисление представляется более вероятным, так как дает больше исторического пространства для совершения изложенных важных событий.

Разногласие в определении этого времени зависит от того, что единственными данными для его определения служат лета послепотопных патриархов, показания которых опять значительно расходятся в главных текстах библейской

летописи. Родословие послепотопных патриархов начинает Сим, у которого через 2 года после потопа родился Арфаксад. В этом показании сходятся все три текста, и потому разницу в показании лет следующих патриархов до рождения ими первого сына можно видеть из приведенной выше таблицы.

Из этой таблицы видно, что в показаниях лет послепотопных патриархов греческий и самаритянский тексты сходятся между собой, а еврейский уклоняется от них, последовательно умаляя цифру на сто лет и в показании лет Нахора на 50 лет. Такое отступление явно указывает на преднамеренное сокращение лет, и даже целых поколений, так как в еврейском тексте совершенно не значится Каинана. Ввиду полного согласия греческого и самаритянского текстов, показание их получает больше достоверности сравнительно с еврейским.

Период третий

От избрания Авраама до смерти Иосифа и заключения патриархальной эпохи

VII

Избрание Авраама. Переселение его в землю Ханаанскую и жизнь его в этой стране. Завет Бога с Авраамом и обетование сына

В южной части Месопотамии, в так называвшейся в древности Халдее, на правом берегу Евфрата, верстах в десяти от него находится деревня Мугейр, основанная на развалинах древнего города, остатки которого видны еще и теперь. Город этот, как видно по надписям на памятниках, был Ур, называвшийся по месту своего положения Халдейским. В древнее время он находился гораздо ближе к берегу Персидского залива, от которого теперь отделяет его большая полоса наносной земли, и вел обширную морскую торговлю. Местность кругом была плодородная, промышленность оживленная и население (по преимуществу кушитского происхождения), отличавшееся мирным промышленным характером, пользовалось полным благосостоянием и

стояло на высокой ступени цивилизации. Особенно развито у них было строительное искусство, и остатки больших сооружений и теперь возбуждают удивление в исследователях. Необычайная прозрачность воздуха, в котором звезды скорее пылают, чем просто светят, дала повод к раннему наблюдению над небесными светилами, и астрономия с сродной ей астрологией была любимым предметом особого класса ученых, которые занимались также изучением математики, законодательств и способов государственного управления. Письменность уже хорошо была известна, и существовали даже целые библиотеки, хотя вместо книг служили глиняные доски с изображенными на них письменами. Из промышленных искусств известны были особенно производство тканей, обработка металлов и гравирование. К несчастью, вся эта богатая цивилизация насквозь пропитана была самым грубым идолопоклонством с неразлучным с ним нечестием. Вместо жертвенников истинному Богу повсюду возвышались храмы и капища идолам, служение которым часто принимало грубо чувственный и постыдный характер. Главными божествами считались солнце и луна, за которыми следовали другие второстепенные божества, как меньшие планеты и звезды. Им строились храмы, посвящались города, делались с них изображения, получавшие значение домашних богов (терафимы), которым вверялось охранение благосостояния отдельных семейств. В эту-то страну идолопоклонства переселился один из послепотопных патриархов, именно сын Нахора – Фарра. Отдаленным предком его был Евер, который происходил по прямой линии от Сима, сына Ноева. Происходя от такого славного рода и будучи прямым его представителем, Фарра крепко держался отеческих преданий: хранил не только истинную веру в Бога и связанное с нею обетование, но и все законы Ноевы. Неизвестно, что именно побудило его переселиться в Халдею; но во всяком случае известно, что он поселился в Уре и жил там значительное время. У него образовалось там собственное семейство, состоявшее из трех сыновей – Аврама, Нахора и Арана, которые в свою очередь поженились, и у последних двух были свои дети, а жена Аврама Сара (сестра ему по отцу, но не от родной матери) была бесплодна.

Положение этого семейства в идолопоклоннической стране несомненно было тяжелое. Кругом царило самое омерзительное идолослужение. Самый Ур Халдейский был даже центром местного идолопоклонства и славился своими храмами идолам, среди которых самым почитаемым была луна. Все это так тяготило благочестивое семейство Фарры, что он, не видя возможности долее оставаться в идолопоклоннической и нечестивой стране, жители которой быть может к тому же враждебно относились к нему за его истинную веру и непоклонение идолам, намеревался совсем оставить ее и переселиться в землю Ханаанскую.

Но различные связи со страной все-таки удержали его от этого, и он переселился лишь в другой халдейский город Харран, где и остановился. Между тем, окружающая среда не осталась без влияния и на это благочестивое семейство: сам Фарра к концу жизни по-видимому поддался идолопоклонству (1 Ис Нав 24:2), и таким образом опасность угрожала вере даже и в этом благочестивом семействе. Тогда Господь определил взять из этого семейства человека, чтобы сделать его Своим избранным орудием в деле сохранения истинной религии в мире. Божественный выбор пал на Аврама. Это был несомненно самый верующий и благочестивый член в семействе, и, по иудейскому преданию, он еще в детстве проявил необычайную преданность истинной религии. Будучи еще отроком, Аврам при виде окружающего его грубого идолопоклонства тревожно занят был великим вопросом, правильно ли поступают люди, боготворя небесные светила. Однажды, говорит предание, озирая землю и взглянув на небо, отрок Аврам начал думать, кто бы мог сотворить все это. Вот взошло солнце во всем своем блистательном великолепии, и он подумал, что должно быть это и есть Создатель всего, и он поклонился ему и боготворил его целый день. Когда, однако же, с наступлением вечера солнце закатилось, Аврам усомнился, чтобы так мог помрачаться Создатель всего. Но вот на востоке поднялась в своем чарующем блеске луна, и вокруг ее засверкали бесчисленные звезды. «Поистине, – закричал отрок, – это творец вселенной, и звезды его слуги!» – и он поклонился луне и обоготворил ее. Однако же и луна медленно скатилась на запад, звезды померкли, и вновь на восточном небосклоне поднялось дневное светило. Тогда сказал Аврам: «Нет, не может быть, чтобы какое-нибудь из этих небесных светил могло быть создателем мира; они повинуются только воле Невидимого, которому они и обязаны своим существованием: Его-то отселе я и буду только боготворить, Ему-то я и буду только поклоняться». И этой истинной веры он неизменно держался до того момента, когда промысл Божий сделал его своим избранником.

И сказал Господь Авраму: «Пойди из земли твоей, от родства твоего, и из дома отца твоего, (и иди) в землю, которую Я укажу тебе». Чтобы ободрить его в этом подвиге, Господь тотчас прибавил великое обетование: «И Я произведу из тебя великий народ, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и будешь ты в благословение. И благословлю благословящих тебя, и злословящих тебя прокляну; и благословятся в тебе все племена земные». Авраму было в это время семьдесят пять лет от роду, он был женатый человек и хотя не имел детей, все-таки уже вполне устроился на своей родине; поэтому, чтобы оставить все и идти в неизвестную землю, требовалась сильная вера в голос откровения. Но Аврам был силен верой, в доме отца он мужественно боролся против вторжения

идолопоклонства, и теперь, слыша такое великое обетование, выше которого в патриархальное время и для верующего человека ничего и не могло быть, он «верою повиновался призванию идти в страну, которую имел получить в наследие, и пошел, не зная куда идет» (Евр 11:8). Взяв свою жену и племянника Лота (оставшегося сиротой после своего отца Арана) и захватив свои стада с состоящими при них домочадцами, Аврам переправился на правый берег Евфрата и направился по сирийской пустыне в Дамаск, где нашел себе верного слугу Елеазара, и затем, перейдя реку Иордан, вступил в землю Ханаанскую и раскинул свой шатер у дубравы Море?, близ Сихема, в одном из самых благодатных мест страны. И там ему вторично явился Господь и подтвердил, что Он отдаст эту землю потомству Аврама, в память чего Аврам воздвиг там жертвенник Господу. Туземцы-хананеи не особенно дружелюбно встретили пришельца, прибывшего пользоваться их паст бищами, и поэтому Аврам принужден был двинуться дальше к югу и там, остановившись между Вефилем и Гаем, воздвиг еще жертвенник Господу. Пребывание в этой гористой местности делало его безопасным от хананеев, занимавших более богатые пастбища на низменностях, но местность эта была скудна для прокормления стад. Он поэтому двинулся еще дальше к югу, пока полный голод не вынудил его совсем оставить обетованную землю и идти в житницу Древнего мира – Египет.

Египет в это время находился уже на высокой ступени цивилизации. На берегах Нила уже возвышались величественные пирамиды, как они возвышаются и теперь; были даже и памятники, свидетельствовавшие об исторической древности страны. Неограниченный правитель (фараон) принимал от своего народа божеские почести, как прямой потомок богов. Науки и искусства процветали, и имелась уже значительная литература по разным отраслям знания, а особенно по анатомии и медицине. В больших богатых столицах и городах возвышались многочисленные храмы и обелиски, обложенные полированным гранитом, и повсюду можно было видеть множество сфинксов и всевозможных статуй и идолов – из камня, золота, серебра, бронзы и слоновой кости. Богатейшие и всячески разукрашенные живописью и скульптурой гробницы с покоящимися в них набальзамированными покойниками (мумиями) представляли собой целые «города мертвых». Кругом кипела самая бойкая и цветущая общественная жизнь. Фараонов дворец в Мемфисе кишел всевозможными жрецами и волхвами, состоявшими в качестве приближенных советников фараона. Знатные вельможи жили в великолепных домах, наполненных всякой челядью, всевозможными слугами и рабами, и вся окружающая жизнь свидетельствовала о том, что Египет по справедливости заслужил название «страны чудес». Все это, несомненно, должно было немало поразить Аврама (хотя он и видел нечто подобное на своей родине, в Халдее); но

он, однако, уже и раньше немало наслышался о Египте и даже отчасти знаком был с характером правления и нравами страны. Поэтому, вступая в нее, он нашел нужным принять некоторые предосторожности. Так, зная безграничный произвол и деспотический характер царей ее – фараонов, он согласился с Сарой, чтобы она выдавала себя только за сестру его, так как иначе в случае, если она понравится фараону, египтяне убьют ее мужа, что и действительно случалось, как показывают памятники Древнего Египта. Предосторожность оказалась не напрасной. Красивая Сара понравилась фараону, и он взял ее в дом свой, а своего мнимого шурина наделил богатыми подарками – «мелким и крупным скотом, и ослами, и рабами, и рабынями, и лошаками, и верблюдами». Но «Господь поразил фараона тяжкими ударами за Сару, жену Аврамову», так что он вынужден был возвратить ее мужу и велел им оставить его страну.

По оставлении Египта Аврам опять поселился в окрестностях Вефиля, где он возобновил свое богослужение, «призывая Господа». Между тем стада Аврама и его племянника Лота умножились так, что им стало недоставать пастбищ, пастухи того и другого начали заводить из-за пастбищ споры и ссоры между собой, да и сам Лот, видимо, начал стремиться к независимости от своего дяди. Это было новое испытание веры Аврама, и он не посрамил ее. Он предложил Лоту избрать себе лучшую часть пастбищ, которую тот и избрал, взяв себе всю богатейшую окрестность иорданскую, страну, которая «вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень, как земля Египетская». Сам Аврам, веруя в лучшие обетования, остался на скудных пастбищах Вефиля, и за эту веру, соединенную с самоотвержением, Господь наградил его третьим обетованием: «Возведи очи свои, – сказал ему явившийся Господь, – и с места, на котором ты теперь, посмотри к северу, и к югу, и к востоку, и к западу. Ибо всю землю, которую ты видишь, тебе дам Я и потомству твоему навеки. Я сделаю потомство твое как песок земный; если кто может сосчитать песок земный, то и потомство твое сочтено будет. Встань, пройди по земле сей в долготу и в ширину ее: ибо Я тебе дал ее (и потомству твоему навсегда)». Аврам двинул свой шатер и поселился у дубравы Мамре в Хевроне. Это было третье место стоянки Аврама в земле обетованной, и оно сделалось обычным местом его пребывания там.

Между тем Лот, отделившись от своего дяди Аврама, поселился в нижней части долины иорданской, которая в то время занята была пятью богатыми городами. Города эти Содом, Гоморра, Севоим, Адма и Бела (или Сигор) составляли союз пятиградия; каждый из них имел своего особого царя, но во главе их стоял царь Содомский. Население этих городов отличалось возмутительным растлением нравов и порочностью, омерзительными и противоестественными пороками. Но помимо этого нравственного нечестия, тревожившего еще не совсем

испорченную совесть Лота, его неожиданно постигло страшное бедствие. Города эти платили дань Хедорлаомеру, царю Елама, одного из государств, соседних с Месопотамией. В тринадцатом году своего подчинения они восстали, отказались платить дань, и Хедорлаомер с тремя союзными царями двинулся для их усмирения и наказания. Против него выступил царь Содомский в союзе с четырьмя царями других городов долины. Войска враждующих сторон встретились в долине Сиддим, изобилующей множеством смоляных ям. Содомляне были разбиты и обращены в бегство, цари Содомский и Гоморрский попадали в ямы и погибли, а остальные убежали в горы. Победители захватили все имущество Содома и Гоморры с запасами их, и с большой добычей и множеством пленных двинулись в обратный поход. Среди пленников оказался и Лот, который в это, время жил в Содоме. Когда до Аврама дошло известие о таком бедствии его племянника, он немедленно вооружил своих рабов в числе 318 человек и в союзе с соседними дружественными племенами бросился в погоню за неприятелем. Застигнув его у Дана (в северной части Палестины), он с двух сторон ночью напал на беспечных победителей, разбил их, обратил в бегство, освободил всех пленных вместе с Лотом, своим племянником, и возвратил всем отнятое обратно имущество, отказавшись сам даже от подарков, принесенных ему в благодарность за освобождение новым царем Содомским.

Возвращение Аврама с этой победы ознаменовалось одним весьма замечательным событием. Навстречу ему среди других вышел Мелхиседек, царь Салимский, с хлебом и вином. Это был в то же время «священник Бога всевышнего», и он благословил Аврама именем Бога всевышнего, а Аврам дал ему десятую часть из всего. Неожиданное появление и исчезновение Мелхиседека окружает его личность необычайной таинственностью. Что он был вместе и царем, и священником, это совершенно согласно с патриархальным состоянием древнего общества; но его священство, по-видимому, было выше обычного священства главы семейства, как это видно из необычайного почтения, оказанного ему Аврамом. Отсюда он сделался поразительным прообразом великого Первосвященника Нового Завета, а его история показывает, что истинная вера сохранялась еще и вне избранного семейства.

Как ни полна была победа Аврама, но она могла повлечь за собой лишь страшное мщение со стороны разбитого царя, и потому теперь Аврам более чем когда-либо нуждался в нравственном ободрении. И Господь в четвертый раз явился ему и сказал: «Не бойся, Аврам, Я твой щит; награда твоя будет весьма велика». В ответ на жалобу о бездетности со стороны Аврама, Господь дал ему обещание о многочисленном потомстве. «Посмотри на небо, – сказал ему Господь, – и сосчитай звезды, если ты можешь счесть их. Столько будет у тебя потомков». –

«Аврам поверил Господу, и Он вменил ему это в праведность». Великое обещание было подтверждено заветом, заключенным по обряду того времени при посредстве рассеченных животных, и во время напавшего на Аврама глубокого сна Господь сделал откровение о дальнейшей судьбе его потомства, именно, «что оно в течение четырехсот лет будет в рабстве и унижении в чужой земле, но выйдет оттуда с большим богатством, возвратится в Землю обетованную, и она отдана будет ему во владение – «от реки Египетской до великой реки Евфрата».

Все эти обетования требовали от Аврама великой веры, потому что осуществлению их противоречила действительность. Аврам уже приближался к преклонным летам, а все еще был бездетным. Бесплодная и менее участия принимавшая в этих обетованиях Сара, чтобы не оставить своего мужа совершенно без потомства, отдала ему свою служанку Агарь, египтянку, в наложницы. Последняя, однако, скоро возбудила ревность в своей госпоже, и Сара стала притеснять ее, так что она убежала от нее в пустыню.

Но там явился ей «ангел Господень», который велел ей возвратиться к госпоже своей и покориться ей, обещав ей в то же время многочисленное потомство от имеющего родиться у нее сына Измаила. «Он будет, – сказал ангел, – между людьми как дикий осел; руки его на всех, и руки всех на него; жить будет он перед лицем всех братьев своих». Авраму было уже восемьдесят шесть лет, когда Агарь родила ему сына Измаила, но его вера должна была испытываться еще в течении четырнадцати лет, когда опять подтверждено ему было прежнее обетование новым торжественным уверением в многочисленности потомства, в знак чего Господь повелел ему отныне называться Авраамом – «Отцом множества народов», а Саре дал имя Сарры как матери многочисленного потомства. Но вера Авраама как бы отчасти уже поколебалась: «он пал на лице свое, и рассмеялся, и сказал сам в себе: неужели от столетнего будет сын? и Сарра, девяностолетняя, неужели родит?» и просил, чтобы хотя жив был Измаил. Тогда Господь сказал ему: «Именно Сарра, жена твоя, родит тебе сына, и ты наречешь ему имя Исаак (смех). И завет Мой поставлю с Исааком, которого родит тебе Сарра в сие самое время на другой год». Видимым знаком включения в этот торжественный завет с Богом был установлен в это время обряд обрезания, который заповедано было совершать в восьмой день над каждым новорожденным младенцем мужеского пола и над всеми рабами при покупке их. Все семейство Авраама со всеми домочадцами и рабами было тогда же приобщено к завету через совершение обрезания над ними.

VIII

Богоявление у дуба Мамрийского. Гибель городов в долине Сиддим. Высшее испытание веры Авраама и последние дни его жизни

После подтверждения завета с Богом Авраам делается вполне «другом Божиим» и живет в постоянном и ближайшем общении с Ним. Но в то время, как возрастала и крепла вера и благочестие избранного патриарха, возрастало и усиливалось безверие и нечестие тех злых и беззаконных городов, среди которых обитал его племянник Лот. Быстро переполняя чашу своего беззакония, они, наконец, навлекли на себя страшный гнев Божий. Когда Авраам однажды в знойный день сидел при входе в шатер свой у дубравы Мамрийской, он увидел трех странников, которых он с истинно патриархальным радушием просил зайти к себе и отдохнуть от дневного зноя и усталости, и предложил им обычное на Востоке гостеприимство, освежив им водой ноги и подкрепив их силы хлебом и мясом нарочно убитого теленка. Но это были не простые странники, а в лице их Сам Господь с двумя служащими Ему ангелами. Авраам скоро узнал истинное достоинство своих посетителей, особенно когда они, спросив о Сарре и укорив его за неверие в возможность рождения сына, вновь подтвердили обетование, назначив даже время для его исполнения. Затем они пошли по направлению к Содому, и когда Авраам провожал их от себя, он удостоился откровения от них о том Страшном суде, который они намерены были произвести над беззаконными городами за грехи их. Так открыта была истина, что Бог подвергает Своему карающему суду грешников даже в этой жизни. Но Авраам своей верой постиг и другую истину, что праведник имеет дерзновение ходатайствовать за грешников. И вот Авраам начал вести беседу с Господом о помиловании Содома, и получил обещание, что Господь помиловал бы весь город, если бы в нем оказалось хоть пятьдесят, или тридцать, двадцать, или даже десять праведников. Но в беззаконных городах не оказалось и такого малого количества праведных, и потому казнь их была неизбежна.

Авраам с грустью возвратился в свой шатер, а двое ангелов-странников отправились в Содом, где встретил их Лот и по примеру дяди своего Авраама оказал им радушное гостеприимство. Но жители Содома, обезумевшие от необузданной похоти, даже накануне своей гибели не остановились перед оскорблением странников своим похотливым и развратным буйством, и тем ускорили свою заслуженную погибель. Ангелы объявили Лоту о причине и цели своего страшного посещения и повелели ему известить об этом всех своих

родных и вместе с ними бежать из города. Но даже зятьям его показалось, что он шутит, да и сам Лот медлил. Тогда ангелы, повелев ему взять свою жену и двух дочерей, насильно вывели их за город и повелели бежать в гору, бежать не оглядываясь. Но даже и тогда он не мог совершенно оторваться от места, к которому привязывали его житейские связи, и упросил, чтобы для него пощажен был хоть один из пяти городов долины, маленький Бела, в котором и спасся Лот. При восходе солнца Лот достиг этого города, ставшего называться Сигором, и в этот же день совершилась страшная казнь над остальными четырьмя городами долины – Содомом, Гоморрой, Адмой и Севоимом. С неба полилась разрушительная лава из серы и огня, и на следующий день на том месте, где были беззаконные города, курился лишь смрад и дым, «как дым из печи», и вместо суши волновалось желто-мутное серное озеро, известное теперь под названием Мертвого моря. Во время совершения этой казни жена Лота не могла побороть своего преступного любопытства и, вопреки повелению ангелов, оглянулась на место своих мирских привязанностей и тотчас же, в предостережение всем озирающимся на нечестивые дела мира сего уже после отречения от него, «стала соляным столбом». Сам Лот, хотя и спасенный от гибели, подобно Ною после потопа, предался опьянению. Две дочери его, думая, что весь остальной человеческий род погиб, воспользовались этим его состоянием для восстановления рода, и у них родились сыновья Моав и Бен-Амми, ставшие родоначальниками двух народов, называвшихся по их имени моавитянами и аммонитянами.

Ужасная казнь Божия над беззаконными городами побудила Авраама на время удалиться от их смрадного соседства, и он на время оставил дубраву Мамрийскую и подвинулся дальше к югу от Вирсавии, которая стала после этого считаться последней границей обетованной Земли на юге. Тут, между прочим, он оказался во владениях филистимского царя Авимелеха, с которым повторилась та же история, которая была уже с фараоном египетским, и Авимелех вынужден был возвратить Сарру ее мужу и с подарками выпроводил его за пределы своего владения, причем заключил с ним особый договор касательно пользования колодцами для пастбищ.

Наконец, пришло время, когда должно было исполниться великому обетованию, полученному Авраамом от Господа. Аврааму было сто и Сарре девяносто лет, когда у них во время стоянки в Вирсавии родился давно желанный сын – Исаак, который и обрезан был в восьмой день по установлению.

В память отнятия Исаака от груди Авраам сделал большой пир; но тут Сарра заметила, что Измаил, сын ее презренной рабыни, насмехается над ее Исааком и, несмотря на нежелание Авраама, настояла на том, чтобы он выгнал Агарь с ее сыном из дома, и Авраам проводил их в пустыню, прилегающую к Вирсавии. Там, по истощении запаса воды, Агарь, истомленная жаждой и зноем, отчаялась в спасении и, не желая видеть смерти своего сына, положила его под кустом, а сама села поодаль и начала горько плакать. Тогда опять явился ей на помощь ангел Господень, указал ей колодезь с текучей водой и повторил обетование, что от сына ее произойдет великий народ. Чудесно спасенный от гибели Измаил «вырос, и стал жить в пустыне, и сделался стрелком из лука».

Он жил в пустыне Фаран, на пространстве между Палестиной и горой Хорив (в местности, которая и доселе составляет безраздельную собственность его потомков – бедуинов аравийских), и мать его «взяла ему жену в земле египетской».

Как ни тяжело было испытание, которому подвергся Авраам, когда он вынужден был лишиться своего побочного сына Измаила, но вскоре ему предстояло еще более тяжкое испытание, которое, в случае непоколебимости его веры и послушания, должно было окончательно закрепить за ним высокое звание отца верующих.

Это испытание состояло в повелении Божием принести в жертву своего единственного, так долго ожидавшегося сына Исаака, того, на ком основывались все надежды Авраама и все данные ему великие обетования!

Повеление дано было во всей его ужасающей ясности, без малейшего намека на возможность отмены. Бог сказал Аврааму: «Возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой Я скажу тебе».

И Авраам не поколебался даже перед такой великой для него жертвой. Он «встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собою двоих из отроков своих, и Исаака, сына своего; наколол дров для всесожжения и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог». По преданию, Исааку было в это время уже двадцать пять лет.

Через три дня пути они достигли назначенной местности и увидели гору, на которой должно было принести Исаака в жертву. Оставив своих слуг позади, Авраам взял Исаака и с ним вдвоем отправился на роковую гору, сам неся жертвенный нож и огонь, а Исаака заставив нести дрова для жертвоприношения. «И начал Исаак говорить Аврааму, отцу своему, и сказал: отец мой, вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения? Авраам сказал: Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой. И шли далее оба вместе».

По достижении назначенного места, Авраам устроил жертвенник, положил на него дрова, связал изумленного, но беспрекословно повиновавшегося Исаака и положил его на жертвенник. Вот уже поднят жертвенный нож для заклания, как вдруг ангел Господень удерживает руку Авраама и говорит ему, что он вполне доказал непоколебимость своей веры, не пожалев даже сына своего возлюбленного, и Авраам с облегченным и ликующим сердцем принес в жертву овна, запутавшегося неподалеку от него рогами в чаще. Ввиду такого безграничного послушания воле Божией, Аврааму не только повторены были все прежние обетования, но и в первый раз подтверждены клятвой, что Бог «благословляя благословит его и умножая умножит семя его как звезды небесные и как песок на берегу моря, и благословятся в семени его все народы земли за то, что он послушался гласа Божия». И Авраам, еще более укрепленный в вере, возвратился в Вирсавию.

Авраам и Исаак

После жертвоприношения Исаака Авра ам еще жил много лет, но остальная жизнь его была мирным пользованием плодами своей веры и упования и не представляет выдающихся событий.

Через несколько лет Сарра, будучи ста двадцати семи лет от роду, скончалась, и это единственная женщина, лета которой обозначены в Св. Писании. Исааку в это время было тридцать семь лет, и он жил со своим отцом в Хевроне.

Авраам хотел с честью похоронить свою покойную жену, но во всей Земле обетованной у него не было собственной земли «ни на стопу ноги». Вследствие этого он принужден был купить землю у хеттеян и, заплатив 400 сиклей серебра

за поле с пещерой Махпела, неподалеку от дубравы Мамрийской, похоронил в той пещере долго оплакивавшуюся им Сарру.

Через три года после смерти Сарры Авраам решил восполнить убыль в своем семействе женитьбой Исаака. Его искренним желанием было, чтобы сын его женился не на испорченной хананеянке, а на ком-нибудь из ближайшего родства. С этой целью он снарядил своего верного раба Елеазара, чтобы тот отправился на его родину и там нашел жену для Исаака. Взяв с раба клятву, Авраам отпустил его, и история встречи невесты для Исаака и заключения брачного союза с ней представляет яркую картину нравов того патриархального века.

Прибыв в указанную страну, именно в город Харран, раб Авраамов случайно встречает «девицу, прекрасную видом, деву, которую не познал муж». Он невольно обратил на нее внимание, попросил у нее воды напиться, и когда та оказалась настолько услужливой, что не только напоила его самого, но потрудилась начерпать воды и его верблюдам, то после этого он уже не мог упустить ее из вида: телесная красота и душевная доброта приковали его к ней. Он тут же подарил ей золотую серьгу весом полсикля и два запястья на руки ей, в десять сиклей золота. Расспросив, чья она дочь и есть ли у них место для ночлега, и получив в ответ от удивленной и обрадованной подарками доброй девушки, что у них «много соломы и корму, и есть место для ночлега», он отправился в дом отца ее, которым оказался Вафуил, племянник Авраама от его родного брата Нахора, и тут же сейчас высказал свое желание.

Родители девицы и принимавший в ней особенное участие брат ее Лаван, видя серьезность поручения раба, а равно и богатство его господина, ничего не жалеющего для своего любимого сына, согласились на брак; спросили Ревекку (как звали девицу), согласна ли она, и когда та выразила свое полное согласие – брак был заключен. Родители и родственники девицы получили подарки; хотели было еще подержать у себя в доме Ревекку «дней хотя десять», но так как Елеазару нельзя было медлить, то они распростились с дочерью, и «благословили ее и сказали: сестра наша! да родятся от тебя тысячи тысяч, и да владеет потомство твое жилищами врагов твоих!» После этого Ревекка отправилась с рабом и с несколькими служанками в путь.

Когда путники приближались к цели своего путешествия, Исаак случайно вышел в поле «поразмыслить». Ревекка, увидев его и узнав, кто это, смутилась, «взяла покрывало и покрылась». Узнав от раба все обстоятельства, при которых он

выбрал для него привезенную девицу, Исаак «ввел ее в шатер Сарры, матери своей, и взял Ревекку, и она сделалась ему женою, и он возлюбил ее; и утешился Исаак в печали по Сарре, матери своей».

Из последующей жизни Авраама известно только, что он взял себе еще жену Хеттуру, от которой имел шесть сыновей. Но Хеттура была скорее его наложницей, так как все свое имущество Авраам завещал своему сыну Исааку, «а сынам наложниц дал подарки и отослал их еще при жизни своей на восток, в землю восточную». И затем библейская летопись сообщает, что Авраам «скончался, и умер в старости доброй, престарелый, насыщенный (жизнью), и приложился к народу своему». Он умер ста семидесяти пяти лет и погребен был своими сыновьями Исааком и Измаилом в пещере Махпела – в той самой, где лежали останки его подруги жизни Сарры.

Так окончил свою жизнь этот великий и славный избранник Божий. Среди избранных сосудов Божиих много великих и праведных мужей, но выше их всех по своей вере и праведности стоит духовный родоначальник человеческого рода, отец верующих и друг Божий – патриарх Авраам. Вся его жизнь показывает, что его вера не была простым внешним исповеданием, но деятельным началом всего его бытия. Никогда у него не возникало сомнения касательно слова и обетования Божия, хотя бы исполнение его казалось для человеческого разума совершенно невозможным.

«Верою, – говорит апостол, – Авраам, будучи искушаем, принес в жертву Исаака (своего единственного сына, от которого должны были произойти все обещанные ему потомки), ибо он думал, что Бог силен и из мертвых воскресит» (Евр 11:17–19). Ни к кому еще не прилагалось в такой силе выражение, что он «веровал в Господа», т. е. всецело уповал на Него, упокоивая свой дух в этой вере, как дитя покоится на руках матери своей. И вот такая вера была вменена ему в праведность, потому что она составляет главный источник, из которого может возникать праведность.

«Авраам слушался голоса Господня, соблюдал Его повеления, уставы и законы» (Быт 26:5). Отсюда он навсегда останется высшим образцом верующего человека, и в примере его могут черпать вдохновение святых чувств веры и надежды люди всех народов и веков. Недаром память его свято чтится народами трех величайших религий мира – иудейства, христианства и ислама. – Несмотря однако же на величие его веры и упования, о нем можно сказать то же, что сказано и о многих других подобных ему праведниках: «Все сии умерли в

вере, не получив обетований; а только издали видели оные, и радовались, и говорили о себе, что они странники и пришельцы на земле» (Евр 11:13).

Древние иудейские предания восхваляют необычайные познания и мудрость Авраама и говорят, что он был наставником единобожия у халдеев, и египтян впервые научил астрономии и математике. Имя его доселе сохраняется в памяти арабов, которые называют его «эл-халил» – «другом (Божиим)».

IX

Исаак и его сыновья

Первые годы семейной жизни Исаака прошли еще при жизни его престарелого отца-патриарха. Он был единственным наследником всех обетований Авраама, но и он, подобно отцу своему, должен был подвергнуться испытанию в своей вере. Жена его Ревекка была бездетна в течение двадцати лет, но он не отчаивался и молился Господу. «И Господь услышал его, и зачала Ревекка, жена его». Перед самыми родами случилось нечто необычное, встревожившее Ревекку; но она успокоена была откровением, что у нее родятся два сына-близнеца, «и два различных народа произойдут из утробы ее», «один народ сделается сильнее другого, и больший будет служить меньшему», т. е. что вопреки обычному порядку первородный не будет владеть правом первородства, с которым соединялись все великие обетования, данные потомству Авраама. Откровение это глубоко запало в душу Ревекки и послужило руководством для нее в последующей жизни. Ревекка действительно разрешилась двумя близнецами: «первый вышел красный весь, как кожа косматый, и нарекли ему имя Исав (косматый); потом вышел брат его, держась рукою своей за пяту Исава; и наречено ему имя Иаков (т. е. держащийся за пяту)». Сообразно с этим оказался и характер братьев-близнецов. Когда они выросли, «Исав стал человеком искусным в звероловстве, человеком полей, а Иаков человеком кротким, живущим в шатрах». Как нередко бывает, родители относились с некоторым пристрастием к избранным любимцам, и замечательно, что спокойный, кроткий Исаак больше любил смелого, отважного зверолова, между тем как Ревекка особенно любила скромного и нежного Иакова. Последний, вероятно, скоро узнал от своей матери о бывшем ей откровении касательно будущей судьбы братьев и стал выжидать удобного случая для заявления своих

прав на первородство. Случай скоро представился. Однажды Исав пришел с поля усталый и голодный и, увидев, что Иаков сварил кушанье из чечевицы (и теперь составляющей любимое кушанье в Сирии и Египте), он стал настойчиво просить у него дать ему поесть этого «красного». Голод его был так силен, что когда Иаков заметил ему, чтобы он продал ему за это кушанье свое первородство, то Исав даже не обратил внимания на предложение Иакова и в нетерпении заметил: «Вот я умираю, что мне в этом первородстве?» Исав знал, что с первородством он продавал все свои духовные преимущества и все права на обладание Землей обетованной. Но по своей дикой и грубой натуре он, видимо, не придавал никакого значения первым, а что касается последних, то быть может надеялся возвратить их себе при помощи благосклонности к себе отца и даже прямым насилием над кротким братом, и таким образом он из-за удовлетворения своего голода продал свое первородство за «красную» чечевицу, отчего и «дано ему прозвание: Эдом» (красный).

Между тем в стране наступил один из тех голодных годов, которые и прежде вынуждали патриархов выселяться для пропитания в соседние, более плодородные страны. Исаак решил последовать примеру своего отца-патриарха и хотел переселиться в Египет, но ему запрещено было, и он провел голодный год в пределах филистимского царя Авимелеха, где с ним и с Ревеккой повторилась та же история, которая была и с Авраамом. Именно, он выдавал Ревекку за свою сестру, но когда открылась правда, Авимелех (вероятно, сын Авраамова современника того же имени) оказал ему особенное покровительство и почтение.

Благодаря этому Исаак мог начать более оседлую жизнь и приступил к земледелию. «И сеял Исаак в земле той, и получил в тот год ячменя во сто крат: так благословил его Господь. И стал великим человек сей, и возвеличивался больше и больше до того, что стал весьма великим. У него были стада мелкого и стада крупного скота и множество пахотных полей». Но филистимляне скоро стали завидовать его богатству, начали притеснять его, зарывали колодцы, вырытые Авраамом, и вообще заводили ссоры, вынудившие, наконец, Исаака выселиться отсюда в Вирсавию. Там в подкрепление ему явился Господь, подтвердивший ему Свое благословение и обетование, и Исаак устроил там жертвенник, и призвал имя Господне. Увидев правоту Исаака и раскаявшись в несправедливых притеснениях ему, царь филистимский Авимелех прибыл к нему с извинением, и между ними, на сделанном Исааком пиршестве, заключен был клятвенный союз, около того же самого колодца, около которого некогда заключали свой союз отцы их (Вирсавия).

Тихая семейная жизнь Исаака скоро была возмущена непослушанием его любимца, сына Исава, который без благословения родителей в сорокалетнем возрасте женился на двух хананеянках, вступив таким образом в родство с идолопоклонниками. «И они были в тягость Исааку и Ревекке». Но скоро предстояло ему еще более тяжкое семейное испытание. С приближением преклонных лет у него ослабело зрение, и он нашел благовременным совершить торжественное благословение для передачи связанных с ним обетований своему потомству. По установившемуся обычаю, право первородства он, конечно, намеревался передать Исаву, как старшему сыну, и сказал ему, чтобы он по этому случаю приготовил кушанье из собственной дичи. Исав, едва ли сообщил ему о продаже своего права первородства, а Иаков в свою очередь не смел открыто высказывать своих притязаний на это право.

Неизвестно, знала ли об этом и Ревекка, но только она, услышав о намерении Исаака, решила употребить хитрость, чтобы посредством ее доставить благословение на первородство своему любимцу Иакову. По ее совету он должен был надеть одежду своего брата, пропитанную запахом ароматических трав и кустов, среди которых приходилось проводить свою жизнь зверолову, и покрыть свое тело косматой шкурой, чтобы для осязания быть похожим на брата; сама же Ревекка обещала приготовить такое кушанье из домашних молодых животных, которое Исаак едва ли мог отличить от ожидаемого им кушанья из дичи Исава. Иаков колебался, боясь проклятия от отца в случае обнаружения обмана; но Ревекка убедила его, что она на себя примет даже проклятие. Иаков приступил к делу; но какой трепет испытывал он, когда старец отец, удивившись слишком скорому возвращению Исава и приготовлению кушанья, подозвал явившегося за благословением к себе для того, чтобы осязанием удостовериться в том, действительно ли это Исав. Старец ощупал косматый покров на руках Иакова и в недоумении заметил: «Голос, голос Иакова; а руки, руки Исава». Но запах охотничьей одежды окончательно рассеял сомнения престарелого патриарха; он поел кушанья, выпил вина, велел поцеловать себя и затем благословил Иакова – благословением первородства: «Да даст тебе Бог от росы небесной и от тука земли, и множество хлеба и вина. Да послужат тебе народы, и да поклонятся тебе племена; будь господином над братьями твоими, и да поклонятся тебе сыны матери твоей; проклинающие тебя – прокляты; благословляющие тебя – благословенны!» Но замечательно, что в этом благословении есть лишь слабый намек на великое обетование Аврааму, именно, что в нем и его семени благословятся все народы земли. Исаак, воображая, что он благословляет Исава, очевидно, считал его не вполне достойным для унаследования всей полноты благословения, и таким образом Иаков и Ревекка не вполне достигли того, чего добивались.

Едва удалился мнимый Исав, получивший благословение первородства, как за получением его явился и действительный Исав. Если неблаговиден был поступок Иакова, то не менее подлежат порицанию и действия Исава, так как он не хотел сознаться, что давно уже продал право первородства своему брату Иакову. Когда Исаак узнал об этом обмане, он «вострепетал великим трепетом», но отказался уже отнимать данное благословение. «Я благословил его, он и будет благословен!» – сказал встревоженный патриарх. Исав поднял «громкий и весьма горький вопль» и просил Исаака, чтобы он благословил и его. «Неужели, отец мой, одно у тебя благословение? благослови и меня!» – с плачем упрашивал Исав, и Исаак благословил его и сказал: «Вот от тука земли будет тебе обитание твое, и от росы небесной свыше; и ты будешь жить мечом твоим, и будешь служить брату твоему; будет же время, когда воспротивишься и свергнешь иго его с выи твоей». В этом благословении предсказана была вся дальнейшая судьба потомков Исава – эдомитян, которые долго находились в подчинении у потомков Иакова – иудеев, но впоследствии из них даже вышел царь, который подчинил себе последних (Ирод Великий, эдомитянин по происхождению).

Потеряв право первородства, Исав возненавидел брата своего Иакова и замыслил даже убить его, как только умрет отец. Ревекка узнала об этой опасности и, зная буйный и неукротимый нрав Исава, решила отправить Иакова на некоторое время в Месопотамию к родному брату своему Лавану в Харране, пока не утишится ярость Исава. Но чтобы не тревожить своего престарелого мужа, она не сказала ему о кровожадном намерении Исава, а выставила перед ним другую причину для временного ухода Иакова из дома, именно, чтобы он мог жениться на ком-нибудь из ее родства, что несомненно было вместе с тем и истинным желанием ее сердца. «Я жизни не рада от дочерей хеттейских (жен Исава), – сказала она, – если Иаков возьмет жену из дочерей этой земли: то к чему мне и жить?» Исаак внял ее жалобе и отпустил Иакова к Лавану для отыскания себе жены, но вместе с тем уже сознательно повторил ему благословение, которое раньше дал по неведению, и при том усугубляя его всей полнотой данных Аврааму обетований. «Бог всемогущий, – сказал он, – да благословит тебя, да расплодит тебя, и да размножит тебя, и да будет от тебя множество народов; и да даст тебе благословение Авраама (отца моего), тебе и потомству твоему с тобой, чтобы тебе наследовать землю странствования твоего, которую Бог дал Аврааму!»

Таким образом Исаак прозрел от духовной слепоты и дал свое благословение достойнейшему, а Исав все более и более предавался чувственности и взял себе третью жену Махалафу, дочь Измаила, заключая родственный союз с тем, кого

изгнал Авраам. Так духовная неспособность Исава к первородству обнаружилась во всей своей полноте.

После этого Исаак еще прожил сорок три года, но он уже ничем не заявлял о себе в истории. Да и вообще это был один из тех редких людей, вся жизнь которых есть безграничная кротость, воплощенное смирение и безмятежное довольство. Будучи патриархом немалочисленного рода, он, однако же, избегал всего, что могло сделать его положение особенно видным, и тем доказал, что смирением и кротостью можно так же угодить Богу, как и жизнью, исполненной великих подвигов и тяжелых испытаний. Беспрекословное повиновение отцу, даже до заклания самой жизни, нежная привязанность к матери, в потери которой он утешился лишь женитьбой на Ревекке; безусловная преданность и верность своей жене в тот век, когда обычно было многоженство; терпеливое перенесение домашних испытаний, причинявшихся ему со стороны жены и сыновей; малоподвижность самой жизни, в течение которой он никогда не удалялся более чем на сорок верст от места своей родины (Вирсавии) – все это вместе рисует перед нами образ патриарха, который велик был не внешними громкими подвигами, а тем внутренним духовным миром, который невидим для людей, но который тем ярче сияет перед Отцом Небесным, – той непреоборимой верой в Промысл Божий, которая всю жизнь его делала воплощением смирения, надежды и любви.

После описанных событий судьба дальнейшей истории патриархальной эпохи сосредоточивается в руках Иакова, к которому перешло все наследственное благословение и обетование рода Авраамова.

X

Иаков

Отправившись в далекий путь, Иаков в первый день, очевидно гонимый опасением своего свирепого брата, прошел более шестидесяти верст и, дойдя до местечка Луз, остановился там переночевать, так как солнце уже зашло и наступила ночь. Это было то самое место, где некогда Авраам воздвигал жертвенник Богу. Увидев несколько камней, быть может, остаток этого именно жертвенника, Иаков положил один из них себе под голову вместо подушки и от

крайнего утомления заснул глубоким сном. И вот под влиянием только что пережитых событий он видит чудесный сон: видит лестницу, которая стоит на земле, а верх ее касается неба, и ангелы Божии восходят и нисходят по ней. Этот чудесный символ божественного промышления о земле заключился явлением ему Господа, который повторил ему обетование Авраамово: «Я Господь, Бог Авраама, отца твоего, и Бог Исаака (не бойся). Землю, на которой ты лежишь, Я дам тебе и потомству твоему. И будет потомство твое как песок земной и распространится к морю, и к востоку, и к северу, и к полудню, и благословятся в тебе и в семени твоем все племена земные. И вот Я с тобою; и сохраню тебя везде, куда ты ни пойдешь; и возвращу тебя в сию землю; ибо Я не оставлю тебя, доколе не исполню того, что Я сказал тебе». Столь дивное видение пробудило Иакова, и он устрашился присутствия Божества на этом святом месте, поставил здесь памятник из камня, на котором спал, сделал на нем возлияние елея и назвал это место Вефилем, т. е. «Домом Божиим», каковым названием и заменилось навсегда прежнее название Луз.

Ободренный и подкрепленный обетованием Божиим, Иаков отправился дальше к месту своего назначения, и через несколько дней пути прибыл на богатые пастбища с многочисленными стадами крупного и мелкого скота. Около колодца, куда пригонялись стада для водопоя, он встретил между другими пастушку по имени Рахиль, и, узнав, что она дочь его дяди Лавана, отвалил для нее камень от колодца, напоил ее стада овец и, поцеловав Рахиль, «возвысил голос свой и заплакал», объявив ей, что он родственник отцу ее и что он сын Ревекки, тетки ее. Рахиль тотчас же побежала домой рассказать о случившемся, и отец ее Лаван с родственным радушием и приветом принял к себе в дом своего племянника от любимой его сестры Ревекки. Встретив родственный прием, Иаков начал служить Лавану, и последний, заметив его усердие, предложил ему даже назначить себе плату за труды. Но у Иакова уже была на примете плата его сердца. У Лавана было две дочери, из которых старшая «Лия была слаба глазами, а другая Рахиль была красива станом и красива лицом». Иаков полюбил Рахиль и предложил Лавану проработать за нее семь лет, чтобы только он выдал ее за него в замужество. Лаван согласился, и эти семь лет показались Иакову «за несколько дней, потому что он любил ее». Когда настало время свадьбы, Лаван, воспользовавшись восточным обычаем, по которому невеста во время заключения брака плотно закутывается в покрывала, обманул Иакова и вместо Рахили подставил Лию, оправдываясь потом тем, что по местному обычаю «так не делают, чтобы младшую отдать прежде старшей».

Но он предложил Иакову и Рахиль под условием, чтобы он еще проработал семь лет, на что Иаков и согласился. В этом обмане со стороны Лавана для Иакова

было как бы возмездие за его собственный обман при получении благословения первородства. Получив по прошествии недели брачной жизни с Лией и Рахиль, Иаков проработал за нее еще семь лет своему тестю Лавану. Но это двоеженство совершилось без соизволения Божия, и потому в своей семейной жизни Иакову суждено было испытать множество огорчений как от соперничества жен, так и от поступков и судьбы своих детей.

Мстя Лии за ее невольный обман, Иаков относился к ней с пренебрежением и всецело привязался к Рахили; но Бог видел невинность и безропотную кротость Лии и потому благословил ее чадородием, между тем как гордая Рахиль оставалась бесплодной. У Лии уже было четыре сына – Рувим, Симеон, Левий и Иуда, а у Рахили еще не было ни одного, и она в крайней зависти хотела иметь детей хоть через служанку свою Баллу, от которой действительно и родились два побочных для нее сына – Дан и Неффалим. Лия в свою очередь отдала Иакову свою служанку Зелфу и от нее получила двух побочных сыновей – Гада и Асира, а затем и сама еще родила Иссахара и Завулона и дочь Дину. Таким образом, когда нелюбимая мужем Лия имела уже шесть собственных сыновей и дочь помимо двух сыновей побочных, любимая Иаковом Рахиль несла все еще позор бездетности, столь тяжкий на Востоке. Это заставило ее, наконец, смириться и с молитвой обратиться к Богу. «И услышал ее Бог, и отверз утробу ее. Она зачала и родила (Иакову) сына, и сказала: снял Бог позор мой. И нарекла ему имя Иосиф, сказав: Господь даст мне и другого сына».

Сновидение Иакова

Сделавшись отцом семейства, Иаков почувствовал необходимость приобрести самостоятельность и сделаться господином собственного дома и хозяйства. Поэтому он стал просить Лавана, чтобы тот отпустил его с семейством для возвращения на родину. Лаван, понимая его заслуги для умножения своего богатства, стал просить его остаться еще на несколько времени, предлагая ему после дать награду в виде скота, отмеченного черной шерстью, пятнами и крапинами. Иаков согласился и под его руководством и наблюдением такой скот чудесно умножался, так что когда ему пришлось получить свою награду, он «сделался весьма, весьма богатым, и было у него множество мелкого скота (и крупного скота), и рабынь, и рабов, и верблюдов, и ослов». Такое богатство даже возбудило зависть в Лаване, и он стал глядеть на Иакова с мрачным и

недовольным лицом, еще более нахмурившимся от наветов его сыновей, которые говорили: «Иаков завладел всем, что было у отца нашего, и из имения отца нашего составил свое богатство сие».

Вследствие бывшего Иакову видения, повелевшего ему возвратиться на свою родину, получив согласие своих жен, которые также желали удалиться от своего корыстного отца, продавшего их за работу себе (Быт 31:14–15), Иаков сделал все нужные приготовления к пути и, когда Лаван отлучился для стрижки своего скота, тайно двинулся в путь, причем Рахиль захватила с собой даже «идолов, которые были у отца ее». Переправившись через реку Евфрат, Иаков двинулся в пустыню и направился к горе Галаад. Лаван только через три дня узнал об уходе Иакова, и найдя, что у него похищены даже его идолы – «терафимы», он бросился вместе со своими сыновьями и родственниками в погоню за беглецом. На седьмой день Лаван настиг его у горы Галаада, и последствия этого несомненно были бы страшны, если бы Лаван накануне не получил во сне предостережения от Бога – не вредить Иакову. Благодаря хитрости своей дочери Рахили, он потерпел неудачу в отыскании своих терафимов. Несмотря на свой якобы родственный укор Иакову, сопровождаемый лицемерным заявлением о том, с каким торжеством и честью он проводил бы Иакова из своего дома, если бы он сказался ему при отправлении, – Лаван чувствовал свою неправоту перед Иаковом, когда последний высказал ему все свое негодование по случаю его алчности и несправедливости. Тогда Лаван смирился духом и заключил союз с Иаковом, который, в свою очередь, поклялся не обижать своих жен и не брать других, кроме дочерей Лавана. «И заколол Иаков жертву на горе, и позвал родственников своих есть хлеб; и они ели хлеб (и пили) и ночевали на горе. И встал Лаван рано утром, и целовал внуков своих и дочерей своих, и благословил их, и возвратился Лаван в свое место, а Иаков пошел путем своим».

Одна страшная опасность миновала, и Бог отвратил от Иакова мщение со стороны его тестя Лавана. Но впереди предстояла другая встреча, еще более опасная, – встреча с Исавом, от которого он мог опасаться мщения за лишение его первородства. Хотя Иаков был ободрен видением небесного воинства, как бы ополчившегося на его защиту, но с этого места (которое он назвал в память видения: Маханаим, т. е. ополчение) он принял собственные меры к предотвращению опасности и мщения со стороны Исава и с этой целью послал к нему в землю Сеир, в область Эдом, вестников с просьбой о благоволении с его стороны к возвращающемуся на родину брату. Но вестники возвратились лишь с ответом, что Исав сам придет встретить своего брата и при этом идет во главе четырехсот вооруженных воинов. Известие это было отнюдь не успокоительное, даже помимо того обстоятельства, что эти четыреста вооруженных воинов

собрались под его знаменем видимо с целью грабежа и кровопролития, подобно тем диким племенам бедуинов, которые и теперь наводят ужас повсюду, где только ни появятся. Вследствие этого, услышав такое известие, «Иаков очень испугался и смутился». Он был совершенно беспомощен и беззащитен перед яростью своего мстительного брата, и единственно, что он мог придумать на случай действительной опасности, это – разделить свой караван на два стана в расчете, что «если Исав нападет на один стан и побьет его, то остальной стан может спастись бегством». Расчет был очевидно сомнительный и во всяком случае печальный. Тогда он обратился к единственной защите с молитвой к Богу. Молитва его была искренна и горяча и представляет собой первую молитву, дословно сохранившуюся для нас из первобытного патриархального времени. Признавая свое бессилие, Иаков всецело возлагал свое упование на Бога Авраамова и Бога Исаакова и на Его обетование не лишать его защиты. И этот вопль отчаяния не остался не услышанным.

Между тем, чтобы все-таки умилостивить своего брата, Иаков выделил из своего каравана значительную часть стад и послал их в качестве подарка Исаву, а сам с семейством и остальным караваном двинулся позади и, переправив их через брод потока Иавок, текущего между Геннисаретским озером и Мертвым морем в реку Иордан, сам остался один, и тут совершилось одно из самых таинственных и великих событий в жизни Иакова. Место это поражает своей пустынной красотой. Самый поток бежит в глубокой ложбине, сплошь закрытой чащей олеандров и других ароматических кустов. Наступила ночь уединения для трепещущего за свою судьбу Иакова. Над головой блистали бесчисленные звезды, кругом царила мертвая тишина, нарушаемая лишь журчанием потока и отдаленными отголосками звуков от каравана. И в эту-то ночь «боролся некто с ним, до появления зари; и, увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его, и повредил состав бедра у Иакова, когда он боролся с ним». Таинственный противник, вступив в борьбу с Иаковом, хотел испытать мужество его веры и настойчивость его молитвы. И Иаков доказал это тем, что даже раненый он поборол своего противника и до тех пор не выпустил его из рук, пока тот не благословил его, сказав: «Отныне имя тебе будет не Иаков, а Израиль; ибо ты боролся с Богом, и человеков одолевать будешь». Иаков нарек имя месту тому: «Пенуэль» в знак того, что он «видел Бога лицем к лицу, и сохранилась душа» его. Взошло солнце, и Иаков, хромая на бедро, поспешил к своему каравану.

Когда Иаков ранним утром переходил через брод потока Иавок, сверкание копий на солнце среди темно-зеленого леса дало знать ему о приближении Исава с его вооруженной силой. Но Иакову уже нечего было бояться людей после того, как он преодолел в ночной борьбе с Богом. И если он в борьбе с Богом преодолел

силой веры и настойчивостью молитвы, то при встрече с Исавом он победил силой своего смирения, поклонившись ему в землю семь раз и предложив ему подарки. У Исава, быть может, было намерение отомстить Иакову или своей вооруженной силой доказать свое превосходство над ним. Но теперь, при встрече своего давно невиданного брата, окруженного целым поколением юных племянников, суровое сердце Исава смягчилось, он побежал навстречу Иакову «и обнял его, и пал на шею его, и целовал его, и плакали оба». После такого сердечного свидания Иаков благоразумно отклонил предложение Исава идти вместе с ним или, по крайней мере, дать ему часть вооруженной силы для охраны, и Исав возвратился на завоеванную им гору Сеир, после чего он совершенно сходит с поприща истории, являясь только для погребения Исаака.

Иаков между тем продолжал путь свой на запад, переправился через Иордан, вступил в землю Ханаанскую и прибыл в Сихем, который со времени Авраама уже разросся в сильный город и назван был так по имени Сихема, сына Эммора, князя Аморейского. Тут он купил себе «за сто монет» поле, ставшее полным владением избранного рода в земле Ханаанской, поставил на нем свой шатер, построил жертвенник и «призвал имя Господа Бога Израилева». Место это и теперь еще можно видеть вблизи «колодезя Иаковлева», у которого его божественный Потомок поучал женщину-самарянку молиться Богу духом и истиной. Но пребывание здесь Иакова принесло ему новое огорчение. Дочь его Дина, принявшая участие в одном из местных народных праздников, была обесчещена сыном местного князя Сихемом, которому она так понравилась, что он через отца своего ходатайствовал у Иакова и ее братьев о том, чтобы они отдали ему ее в замужество. Братья согласились, но с условием, чтобы все жители сихемские обрезались по закону. Когда же они действительно обрезались, то Симеон и Левий, воспользовавшись временем их болезни от обрезания, напали на город, умертвили весь мужеский пол вместе с княжеским родом и вместе с другими братьями разграбили весь город, и так жестоко отомстили за бесчестие своей сестры Дины. Но эта буйная жестокость возмутила Иакова, и он сделал строгий укор своим буйным сыновьям, высказывая опасение за возможность такого же жестокого возмездия со стороны хананеев. Вследствие этого он вынужден был на время удалиться отсюда в Вефиль, тем более, что под влиянием хананеев идолопоклонство стало проникать и в семейство Иакова, так что при удалении отсюда он велел всем своим семейным «бросить богов чужих», которых он и закопал под дубом близ Сихема. В Вефиле он воздвиг жертвенник Богу, и там опять явился ему Господь, который подтвердил ему все прежние обетования. В память этого Иаков поставил на этом месте памятник каменный и сделал на нем возлияние елея.

От Вефиля, где, между прочим, умерла престарелая кормилица Ревеккина Девора и погребена была под дубом, Иаков двинулся дальше к югу по направлению к Ефрафе, т. е. Вифлеему. Не доходя несколько до города, Рахиль разрешилась вторым сыном; но роды были смертельны. Умирая, она нарекла новорожденному сыну имя Бенони (сын моей скорби), но Иаков назвал его в виде утешения за потерю любимой жены Вениамином (сыном правой руки). Иаков похоронил Рахиль при дороге в Вифлеем и поставил над гробом ее памятник, который стоит и доселе. Горе Иакова скоро отягчено было еще бесчестием, которое нанесено было старшим сыном его Рувимом ложу отца, за что он и лишен был своего первородства. Наконец Иаков достиг стана своего отца Исаака, который еще был жив и пребывал в любимой Авраамом дубраве Мамрийской, близ Хеврона. Там при нем и умер престарелый патриарх ста восьмидесяти лет от роду: «приложился к народу своему, будучи стар и насыщен жизнию; и погребли его Исав и Иаков, сыновья его». Это, однако, было уже после продажи Иосифа в Египет и только за десять лет до переселения туда Иакова с сыновьями. Но отселе историческая судьба дома Авраамова сосредоточивается именно в жизни Иосифа, старшего сына Рахили.

XI

Иосиф

Жизнь Иакова была исполнена приключений и тяжких огорчений, но Провидение готовило ему новые испытания и именно через самого любимого им сына Иосифа. В библейской истории Иосиф впервые выступает перед нами семнадцатилетним юношей. Как любимый сын, он постоянно находился при своем престарелом отце и лишь изредка навещал своих братьев, занимавшихся пастушеским делом и переходивших с своими стадами с одного пастбища на другое. Простодушный и невинный, он с детской наивностью, возвращаясь домой, рассказывал отцу о разных худых поступках своих братьев, не отличавшихся особенной высотой нравственности. Те, естественно, возненавидели его за это, и ненависть их разгоралась тем сильнее, чем больше они видели, что престарелый отец их не скрывал своей особенной любви к Иосифу, как «сыну старости своей» и притом старшему сыну любимой им жены Рахили, теперь уже оплакиваемой им. Старец действительно открыто показывал свою особенную любовь к Иосифу и сделал ему особую «разноцветную одежду», длинную и, быть может, из лучших египетских материй. На Востоке, где

неизменно сохраняются вековые обычаи, любимых детей и теперь одевают так же. Одежда шьется из материй разных цветов, которые получают изящное сочетание – по предписаниям моды и вкуса. Такая одежда вместе с тем могла служить знаком того, что Иаков предполагал сделать Иосифа наследником всего своего имущества, особенно ввиду того, что старшие братья нанесли отцу страшное бесчестье. Во всяком случае – все это вместе возбудило в старших братьях злобу вместе с завистью к Иосифу, и они порешили отделаться от него, особенно когда один из двух виденных им снов, предвещавших поклонение ему всех старших братьев и даже родителей, вызвал негодование даже в самом Иакове. Когда они однажды со своими стадами находились на более значительном расстоянии от ставки отца, чем как это бывало прежде, именно около Сихема, то при первом появлении среди них ненавистного брата решили убить его; но так как против подобного решения восстал старший брат Рувим, то просто сняли с него одежду и бросили его, на всякий случай, в один из тех рвов или высохших колодцев, которые нарочито приготавливались для того, чтобы в дождливое время запасать в них воду на время засухи. Когда старшие братья, бросив его в ров, раздумывали, что с ним делать дальше, вдали показался арабский караван (мадиамлян), тянувшийся по направлению к Египту, и он решил судьбу Иосифа. Жестокие братья продали его мадиамлянским купцам за двадцать сребреников, а злополучному отцу сказали, что Иосифа, вероятно, разорвали дикие звери, в доказательство чего представили ему изодранную и нарочно омоченную кровью одежду Иосифа. Иаков от невыносимой скорби разодрал одежды свои, «возложил вретище на чресла свои и оплакивал сына своего многие дни», не желая утешиться и приговаривая: «С печалию сойду к сыну моему в преисподнюю».

Между тем в Египте Иосиф был куплен у мадиамлян Потифаром, царедворцем фараоновым, начальником телохранителей. Палестинские рабы, каковым был Иосиф, высоко ценились в Египте и употреблялись, по преимуществу, для беганья перед колесницами своих господ по улице. С золоченой тростью или хлыстиком в руке они расчищали путь и направляли лошадей. Но Иосиф своей расторопностью, честностью и успехом в исполнении всех поручений более чем оправдал общий взгляд египтян на особенное достоинство палестинских рабов. Он снискал «благоволение в очах» Потифара, вследствие чего тот «поставил его над домом своим и все, что имел, отдал на руки его». Дома у египетских вельмож отличались необычайным богатством, и в огромном хозяйстве проворство и честность, отличавшая Иосифа, должны были цениться высоко; и действительно, Потифар нашел в нем такого верного и надежного слугу, что мог вполне вверить ему все управление своим домом, и «сам при нем не знал ничего, кроме хлеба, который ел», и то только потому, что строгие египетские

законы церемониальной чистоты не позволяли чужеземцу, особенно из пастушеской народности, касаться предметов непосредственного потребления египтян.

При своем высоком нравственном достоинстве и хозяйственных способностях Иосиф вдобавок отличался статностью и красотой, которые не преминули обратить на себя внимание изнеженной роскошью и праздностью жены Потифара. Нежелание с его стороны удовлетворить ее сладострастию вызвало понятную месть и клевету перед мужем, будто бы этот «раб еврей» хотел надругаться над нею. Поверив клевете жены, Потифар «воспылал гневом и отдал Иосифа в темницу, где заключены узники царя». Потифар не имел власти лишить его жизни, так как древние египетские законы защищали жизнь рабов от насилия господ, но он мог оскопить его или дать тысячу палок, если бы захотел того. Но он не воспользовался этим правом, чем и дал знать, что, не имея возможности не верить рассказу своей жены о нанесенном ей оскорблении, он все-таки сохранил в себе расположение к Иосифу и, отправляя его в тюрьму, предоставлял выяснение истины времени. Но даже и подозрительный глаз начальника темницы скоро увидел невинность этого узника, и поэтому Иосиф скоро занял и в темнице такое же положение, какое он занимал в дом Потифара, что и имело своим дальнейшим последствием освобождение его из тюрьмы.

Спустя некоторое время подверглись царской немилости главный виночерпий и главный хлебодар фараона и были заключены в одну темницу с Иосифом. Должности их были важные. На них лежала чрезвычайно ответственная обязанность предохранять жизнь фараона от отравления. Положение первого в особенности давало ему постоянный доступ к фараону, который пил только то, что принимал из его рук; а хлебодар обязан был заботиться не только о снабжении двора всевозможными пирожными и печеньями, которыми любили лакомиться египтяне, но и смотреть также за тем, чтобы к ним не примешано было каких-нибудь вредных веществ с преступной целью. Занятые своей судьбой, они были крайне встревожены бывшими им сновидениями и тщетно ломали голову над их истолкованием. Не имея возможности, вследствие строгого заключения, видеться с жрецами, которые были обычными истолкователями снов, они, конечно, очень обрадовались, когда Иосиф вызвался истолковать им занимавшие их сновидения. Виночерпию снилось, что он видит перед собой виноградную лозу с тремя ветвями; лоза развилась, расцвела, и на ней выросли и созрели ягоды, из которых виночерпий нажал соку в чашу и поднес фараону.

Сон этот Иосиф истолковал в том смысле, что виночерпий через три дня будет помилован, возвращен к своей должности и по-прежнему будет подавать чашу фараону; и при этом попросил его, чтобы он, в случае исполнения сна, вспомнил и об Иосифе и походатайствовал за него перед фараоном. Ободренный таким счастливым истолкованием сна собрата, и хлебодар с радостью рассказал Иосифу свой сон. Ему снилось, что у него на голове три корзины решетчатых. В верхней корзине всякие припасы для стола фараонова, и птицы прилетали и клевали их. «Через три дня, – истолковал ему Иосиф, – фараон снимет с тебя голову твою и повесит тебя на дерево, и птицы небесные будут клевать плоть твою с тебя». Предсказания Иосифа в точности сбылись над обоими царедворцами в «день рождения фараона», когда царь по обычаю после пиршества, окруженный своими царедворцами и сановниками, раздавал свои милости или наказания по своему усмотрению. В этот именно праздник фараон «возвратил главного виночерпия на прежнее место, и он подал чашу в руку фараона, а главного хлебодара повесил (на дереве), как истолковал им Иосиф».

Счастливый виночерпий, сделавшись опять большим сановником, забыл об Иосифе, но скоро один случай напомнил ему о нем. По прошествии двух лет сам фараон видел два поразивших его своей загадочностью сна. В первом сновидении «вышли из реки семь коров хороших видом и тучных плотию»; они, очевидно, купались или бродили по отмелям реки, срывая различные водяные заросли, и теперь вышли на берег пастись тростником и прибрежными болотными растениями, которыми обыкновенно питается египетский скот; но тут они съедены были семью другими коровами, худыми видом и тощими плотию, вышедшими также после них из реки. В другом сновидении ему представилось, что на одном стебле выросли семь колосьев полных и хороших, как и теперь можно видеть на египетской пшенице; но рядом выросли другие семь колосьев – тощих и иссушенных восточным ветром (хамсином), и эти тощие колосья пожрали семь колосьев хороших. Снам в Египте придавалось громадное значение, и потому понятно, что виденные фараоном знаменательные сновидения «смутили дух его», и он созвал «всех волхвов Египта и всех мудрецов его», требуя от них истолкования этих сновидений. При царе постоянно находился совет жрецов различных степеней, которые руководили каждым шагом в его обыденной жизни и истолковывали ему волю богов, как она проявлялась в приметах, сновидениях и знамениях. Они не признавали за собой дара непосредственного откровения, а для разрешения известных вопросов удалялись в уединенные места, где и старались найти то или другое истолкование в священных книгах и в таинственных обрядах, и надо полагать, что труд этот был тяжелый и медленный. Потому-то, когда вся мудрость египетских волхвов оказалась бессильной в истолковании снов фараона, а

Иосиф, о котором тут только вспомнил виночерпий, истолковал их без справок в книгах, путем высшего непосредственного вдохновения, он сразу возбудил необычайное удивление к своей загадочной личности.

Сны фараона, по истолкованию Иосифа, предвещали наступление голодных лет после семи лет урожая. Голод мог наступить отчасти от недостаточного разлива Нила, а отчасти от сильного знойного ветра хамсина, истребляющего всходы. Наступление того и другого предвозвещалось снами фараона. Это толкование Иосифа так совпадало со взглядами самих египтян, и предложенный им совет на случай наступления неурожайных годов (сделать громадные запасы хлеба во время урожайных лет) был так мудр и разумен, что все невольно должны были обратить внимание на юного чужеземца. Фараон и его двор, будучи поражены вдохновенным истолкованием загадочных снов и оценив в совете Иосифа мудрость государственного человека, не могли найти для данного положения более подходящего лица, чем сам молодой снотолкователь, и, как это нередко бывает в восточных деспотических странах, ничтожный раб сразу был сделан великим сановником страны, полновластным правителем ее. «Ты будешь над домом моим, и твоего слова держаться будет весь народ мой, только престолом я буду больше тебя», – торжественно сказал Иосифу фараон, и затем последовало формальное возведение его в назначенную ему должность. Фараон снял со своей руки перстень и надел на руку Иосифа, что было знаком возведения его в сан первого вельможи и правителя страны; «висонные одежды», составлявшие отличие жрецов, высшего класса в Египте, означали принятие его в этот высокочтимый класс, и возложенная ему на шею золотая цепь была для всех формальным знаком его власти. Вторая царская колесница была отдана в его распоряжение, чтобы он ездил по улицам столицы для объявления о своем сане, и вестники должны были бежать впереди его колесницы с криками – абрек, абрек – «преклоняйтесь!» Вместе с саном Иосиф получил от фараона новое египетское имя Цафнафпанеах, т. е. «охранитель жизни». Для довершения достоинств нового любимца царского недоставало только блистательного для него брака, и он был устроен самим фараоном. Асенефа, дочь Потифера, знатного жреца Илиопольского, сделалась женой Иосифа, и он таким образом окончательно был принят в высший класс страны.

Около тринадцати лет прошло с того времени, как Иосиф был увезен из родной страны и продан в рабство в Египет, где он теперь, после необычайных превратностей судьбы, достиг высочайшего положения и власти. Он еще был молодым человеком тридцатилетнего возраста и был членом придворного штата жрецов, с золотой цепью, присвоенной его высокому сану, на шее, и с перстнем фараоновым на руке, был действительным правителем богатейшей и

знаменитейшей страны известного тогда мира. У него родились два сына, которые дали ему возможность изгладить горькие воспоминания прошлого: Манассия, «заставивший забыть все его несчастия», и Ефрем, названный так потому, что «Бог сделал Иосифа плодовитым в земле его страдания». Наступившие годы изобильного урожая дали ему возможность скопить в житницах огромные богатства, и когда настали голодные годы, он продавал хлеб египтянам, которые вследствие крайней нужды должны были продавать ему не только всю свою собственность, со всем своим скотом, но даже свою свободу, так что «вся земля досталась фараону, и весь народ сделался рабами от одного конца Египта до другого».

Иосиф толкует сны фараона

Между тем голод распространился далеко за пределы Египта, и из разных стран потянулись туда караваны за покупкой хлеба. Сыновья престарелого Иакова также принуждены были ехать в Египет, который в это время вел обширную хлебную торговлю с Ханааном и другими соседними странами. Им, конечно, трудно было узнать Иосифа, теперь уже возмужалого и окруженного всем придворным египетским блеском; но сами они по-прежнему носили пастушескую одежду, которую так хорошо помнил Иосиф, и потому он сразу узнал в них своих братьев. Но между ними не было Вениамина. Не убили ли они или не продали ли также и другого сына Рахили, его единственного, родного по матери брата? – мелькнула в нем тяжелая мысль. Чтобы дать им почувствовать хоть сколько-нибудь тяжесть того состояния, в какое он сам некогда был поставлен ими, а также разузнать истину касательно своего младшего брата, Иосиф не мог найти лучшего средства к тому, как объявить их шпионами. Египет постоянно должен был опасаться неприятельского нападения с северо-востока, для предотвращения которого восточная граница государства была защищена большой укрепленной стеной, подобно той стене, какой Китай защищен был от набегов монголов. Чтобы оправдаться от такого тяжкого подозрения, они должны были оставить заложника до тех пор, пока не привезут с собой своего младшего брата. В качестве заложника оставлен был второй брат Симеон, а не старший Рувим, и этим, быть может, Иосиф хотел припомнить последнему его доброе чувство, заставившее его некогда стараться о спасении своего брата. Горько было престарелому Иакову слушать переданную ему сыновьями повесть о суровом обхождении с ними египетского владыки, оставившего одного из них

себе в заложники; но тяжелее еще было расставаться с Вениамином. Нужда, однако же, заставила решиться и на это. Он отпустил Вениамина, но вместе с тем желал задобрить египетского властелина своими дарами. Это совершенно сообразно с восточными обычаями, требовавшими принесения подарков властным лицам; но ничего не может быть проще и первобытнее того, что Иаков в качестве таких подарков утопавшему в роскоши египетскому придворному сановнику отправил «плоды земли своей: несколько бальзама и несколько меду, стираксы и ладану, фисташков и миндальных орехов». «Мед», разумеется, не пчелиный, а так называемый арабами дибс, сгущенный виноградный сироп, который и теперь в большом употреблении в Египте, куда он ежегодно привозится из Хеврона караваном в триста верблюдов. Скорбь Иакова от опасения потерять последнего сына любимой Рахили, горячие уверения Рувима и Иуды, что они на себя берут всю ответственность за его безопасность, вопрос о серебре, оказавшемся по непонятной им случайности в их хлебных мешках, – все это составляет глубоко трогательную сцену в истории. Но перед этими бедными и запуганными пастухами Ханаана должна была открыться еще более неожиданная сцена, когда они, по прибытии в Египет с Вениамином, вдруг были потребованы прямо во дворец египетского властелина.

Дома знатных египтян были обнесены высокими стенами, украшенными живописью, и доступ к ним был через огромные ворота с высокими столбами, на которых развевались длинные флаги. Ворота вели на обширный мощеный двор, по сторонам которого шли просторные ходы, поддерживаемые тонкими раскрашенными колоннами. Из самого дворца задняя дверь вела в обширные сады, с рядами плодовых деревьев и виноградных лоз, кустарниками и цветными грядами и со всякой растительностью. Пальмы, сикаморы, акации, фиги, гранаты и жасмины давали роскошную растительность, орошаемую искусственными бассейнами и фонтанами. Такая роскошь дома египетского властелина, конечно, должна была ослепить и повергнуть в смущение и трепет бедных пастухов, привыкших к простой жизни палаток, и их смущению не было пределов, когда их позвали на обед к царедворцу, положение которого казалось им недосягаемым даже для их мысли. Их ввели в богато изукрашенную столовую, блистающую золотом и цветами и убранную с царским великолепием.

При виде Вениамина закипело в Иосифе братское чувство, и он должен был удалиться во внутренние покои, чтобы скрыть выступавшие слезы. Он радовался вдвойне, радовался и за своих братьев, что они не оказались столь же жестокими к Вениамину, как некогда к нему самому. С чисто восточной проворностью убиты были животные для предстоящего обеда; принесена была вода, чтобы каждый гость вымыл себе ноги, как требовалось правилами

египетской вежливости. Братья по восточному обычаю поклонились великому сановнику до земли и поднесли ему привезенные дары.

Во время обеда (за которым присутствовал и Симеон) Иосиф сидел за отдельным столом, как требовалось достоинством его сана, не позволявшего ему есть вместе с простыми людьми; рядом был поставлен также отдельный стол для египтян, которым также обычай не позволял сидеть вместе с «нечистыми» чужеземцами, так как египтяне вообще чуждались всех остальных народов, считая их, как бы они ни были цивилизованы, нечистыми варварами. Кушанья подавались гостям со стола хозяина, как требовал церемониал, и Иосиф при этом отделял Вениамину самую большую порцию, как это вообще делалось в Египте по отношению к лицам, пользующимся особенной благосклонностью хозяина. Обед своей роскошью и богатством изумлял бедных пастухов Ханаана, и, чтобы избавиться от овладевшего ими смущения, они, по словам библейского рассказа, «пили, и довольно пили» со своим высокосановным хозяином.

Иосиф не мог долее удерживаться. Чувства пересилили дипломатический такт, и он открылся братьям своим – к ужасу их и изумлению всего двора фараонова.

Когда фараон узнал об этой истории своего любимого царедворца, свое расположение к нему он перенес и на все его семейство и выразил желание, чтобы все оно переселилось в Египет. Братьям даны были колесницы, сделаны подарки каждому по перемене одежд, а Вениамину пять перемен и триста сребреников. Отцу своему Иосиф послал «десять ослов, навьюченных лучшими произведениями Египта, и десять ослиц, навьюченных зерном, хлебом и припасами на путь».

Известие, привезенное Иакову, было так для него неожиданно, что удрученный превратностями жизни старец не хотел верить ему; только уже когда он увидел колесницы, присланные за ним, «дух его ожил», и он в необычайном восторге воскликнул: «Довольно, еще жив сын мой Иосиф: пойду и увижу его, пока не умру»! И вот, тихо потянулся караван сынов израилевых по направлению к Египту, сопровождаемый всем «домом» Иакова, состоявшим из семидесяти душ, домочадцами и стадами. Дни скорби Иакова миновали, он бодро глядел в будущее и от радости плакал в ожидании встречи так долго горькими слезами оплакивавшегося им Иосифа. Пройдя возвышенности Вирсавии, где Иаков принес жертву Богу и удостоился видения Господа, подтверждавшего ему завет с его отцами и обнадеживавшего его Своей помощью и защитой, караван вступил в северо-восточный округ Египта – Гесем. Услышав о приближении

каравана, Иосиф сел в колесницу и, окруженный блистательной свитой, выехал на встречу своему престарелому отцу, и увидев его, «пал на шею его и долго плакал на шее его», и ободрившийся старец воскликнул: «умру я теперь, увидев лицо твое, ибо ты еще жив!»

Могущественный фараон удостоил престарелого отца своего верховного сановника особой аудиенции. Свидание между ними было трогательно по своей простоте и задушевности. Фараон спросил старца о его летах, и старец Иаков вкоротке обозрел свою многоиспытанную жизнь. С трогательной простотой и достоинством Иаков рассказал могущественному монарху о своей жизни. В сравнении с жизнью его предков, его собственная жизнь была коротка – всего только сто тридцать лет, тогда как Авраам жил сто семьдесят лет, Исаак – сто восемьдесят. Но и этого было слишком много при тех превратностях и скорбях, которые выпали на его долю. Вся его жизнь была «странствованием», как и жизнь вообще, а тем более его, обитателя шатров, то и дело переселяющегося с своими стадами с одного места в другое. Фараон был тронут этим свиданием и просил благословения от старца.

Новые пришельцы поселены были в округе Гесем, отличавшемся превосходными пастбищами. Там они могли жить в отдалении от египтян, чуждавшихся общения с пастушескими племенами, хотя и не вообще пастушеского занятия, так как они сами, не исключая и фараона, имели огромные стада всякого скота. Ненависть к чужеземным пастушеским племенам, часто тревожившим страну своими хищническими набегами, была так сильна даже при фараоне времен Иосифа, что невозможно было допустить поселения пастушеского семейства Иакова в одном из более близких к столице округов страны. Фараон, однако же, был рад найти среди пришельцев людей, знающих пастушеское дело, и поручил им надзор за своими стадами.

Так исполнилось предсказание Божие Аврааму, что «потомки его будут пришельцами в земле не своей», где, как подтверждено было и Иакову на пути его в Египет, должен был произойти от них народ великий. Остальные годы жизни Иакова под покровительством его сановного сына прошли в мире и довольстве. В Египте он прожил еще семнадцать лет и видел утешение в том, что еще при жизни его семейство его «весьма умножилось». Но вот, чувствуя приближение смерти, он призвал к себе Иосифа и в знак веры своей в обетование завещал ему похоронить себя вместе с отцами своими Авраамом и Исааком, и при этом подарил ему землю, приобретенную им в собственность близ Сихема. Затем он усыновил себе двух сыновей Иосифа, пророчески

благословив при этом на первородство младшего Ефрема предпочтительно перед старшим Манассией. Наконец, собрав всех сыновей своих, он в высказанных им благословениях пророчески предсказал каждому из них их будущую судьбу, и при этом перед всеми превознес своего сына Иуду, предсказав ему, что его колено получит скипетр, и этот «скипетр не отойдет от Иуды и законодатель от чресл его, доколе не приидет Примиритель» (Шилох), которому покорятся все народы, т. е. сделал одно из тех пророческих предсказаний, которыми с все более усиливающейся ясностью и определенностью возвещалось об имевшем явиться Избавителе мира. Окончив пророческое благословение, Израиль скончался, оплакиваемый Иосифом и всем родом его. Как высокопоставленный египтянин Иосиф, конечно, почтил своего отца дорогим бальзамированием. Как первый правитель государства и высокий сановник он имел в своем распоряжении специалистов этого дела – врачей, которыми славился Египет и которые составляли особый чин в жреческом сословии. Труп отвезен был в особые загородные помещения, назначенные для бальзамирования, которое и совершено было в течение сорока дней. После этого траур продолжался еще тридцать дней, так что весь траур длился семьдесят дней, на два дня меньше траура при царе, и затем уже могло быть исполнено заявленное покойным перед своей смертью желание быть отвезенным в Ханаан, и там он с честью погребен был в пещере Махпела, вместе с Авраамом и отцом своим Исааком.

О последующей жизни Иосифа мало сообщается в библейском повествовании. Говорится только, что он милостиво относился к своим братьям и по смерти отца, несмотря на то, что последние крайне опасались его мщения за их прежнюю жестокость к нему; жил сто десять лет и имел утешение видеть внуков и правнуков, которых он любил и лелеял, как это естественно глубоким старцам, угасающая жизнь которых как бы воспламеняется вновь при виде юной жизни их потомков. До конца верный обетованию, преданному от отцов, Иосиф перед смертью взял с братьев торжественную клятву, что они вынесут кости его из Египта, когда Бог снова выведет их в Ханаан. По смерти он, конечно, был бальзамирован. Бальзамированные трупы своих друзей и сановников египтяне обыкновенно вкладывали в особые деревянные ящики и бережно опускали в гробницы или держали в особых комнатах своих домов. Мумия Иосифа оставалась в таком состоянии до выхода израильтян из Египта, затем была взята его потомками в Ханаан и, наконец, погребена на участке земли в Сихеме, некогда купленном и завещанном ему перед смертью Иаковом.

XII

Внутреннее и внешнее состояние избранного рода во время патриархальной эпохи. Богослужение и обряды. Нравы и образ жизни. Правление, промышленность и просвещение

В истории патриархальной эпохи явственно выступают три отдельных ступени в отношении Бога к людям. После падения прародителей и потери ими первобытного блаженного состояния невинности, Бог, дав им обетование будущего Избавителя, предоставил им свободу выбирать между смиренным повиновением и греховным противлением Ему. Уже у первых сыновей их мы видим разделение: праведный Авель терпит мученическую смерть от нечестивого Каина; затем потомство последнего, видимо, берет перевес над благочестивым потомством Сифа и первый период заканчивается всеобщим развращением, сделавшим неизбежной страшную кару на все человечество в потопе. После потопа заключен был Богом новый завет с праведным Ноем как родоначальником нового человечества, и ему было обещано долготерпение Божие до конца времен. Но вследствие этого именно долготерпения грех опять водворился в мире, явилась страшная самонадеянность у людей, которые построением «башни до небес» хотели выразить свое презрение к небесам. Замысел был разрушен и народы рассеяны, но это повело к забвению истинного Бога, и на место истинной религии повсюду воцарилось грубое идолопоклонство. Тогда, чтобы сохранить истинную религию и связанное с нею великое обетование об Избавителе мира, Бог избирает нового праведника, чтобы сделать его родоначальником избранного рода, имеющего сохранить в себе истинную религию.

Этот завет с Авраамом представляет собой третью ступень в истории патриархальной эпохи, и она отличается частыми явлениями и обетованиями Бога родоначальникам и главам избранного рода. В этих явлениях постепенно выясняется существо Бога, который является не только Богом Авраама, Исаака и Иакова, но «Богом всемогущим» (Быт 17:1; 28:3; 35:11), «Судией всей земли» (Быт 18:25); а в многочисленных обетованиях получает полное развитие великая мысль о будущем Избавителе как семени, в котором благословятся все народы (Быт 22:18). Вместе с тем и самая жизнь патриархов, в возвышенности и чистоте их веры, по непрестанному руководительству Промысла Божия, представляла собой такой высоконазидательный образец осуществления высших добродетелей, что вследствие этого получала преобразовательное значение по отношению ко многим тайнам в будущих судьбах домостроительства Божия в

мире. Так бессеменное рождение Спасителя преобразовательно изображалось в неплодстве Сарры и Ревекки; соединение в Нем божеского и человеческого естества – в лестнице, виденной Иаковом; Его страдания, понесенные Им от Своего народа, но соделавшиеся потом источником благословения для всего человечества – в приключениях Иосифа; Его крестная смерть и воскресение – в жертвоприношении Исаака; Его вечное священство – в Мелхиседеке; различные состояния закона и благодати – в различной участи Измаила и Исаака; благодать, данная язычникам, но потерянная иудеями, – в благословении Иакова и Исава, и так далее. Вся эта эпоха с ее величавыми представителями есть преобразовательное зеркало, в котором явственно отражались будущие судьбы церкви и мира.

Вера патриархов находила свое внешнее выражение в богослужении. Но богослужение в эту эпоху не получило еще определенных форм и состояло, главным образом, в принесении жертв на первом попавшемся камне, хотя в то же время раз сделанный жертвенник получал священное значение и на последующее время, так что он избирался для жертвоприношений и последующими патриархами предпочтительно перед другими жертвенниками и служил местом особых явлений и видений (каковым был, например, жертвенник в Вефиле). Самый жертвенник для священнослужения освящался через возлияние елея, и к совершению богослужения приступали с особым приготовлением, состоявшим в омовении тела и перемене одежды (Быт 35:2). Особыми обетами придавалось некоторым жертвенникам особое священное значение в смысле постоянного «дома Божия», т. е., как бы храма, на содержание которого отдавалась десятина имения (Быт 28:20–22). Со времени Авраама введен был особый обряд как средство вступления в ветхозаветную церковь, именно обряд обрезания, которое как таинство означало очищение от прежней греховности и нечистоты, предзнаменуя в то же время внутреннее обрезание или умерщвление плотского и рождение духовного человека.

Сама патриархальная жизнь избранного рода охранялась соблюдением известных постановлений. Все богатство обетований передавалось по праву первородства, получаемому через особое благословение, охранялась святость брака и отвергалось всякое смешение с идолопоклонниками (Быт 34:7, 13, 31; 38:24; 26:34–35; 27:46). Повиновение и почтение к родителям считались высокими и главнейшими добродетелями, что явственно выступает в истории тех лиц, которые подвергаются наказанию и каре за нарушение их (Хам). Семейная жизнь вообще отличалась первобытной простотой; самый брак носил характер полнейшей безискусственности и заключался с благословения и указания родителей, хотя в то же время известны примеры и своевольных

браков (например женитьба Исава), ведших к семейным раздорам и недовольству. В то же время патриархальная жизнь и вообще не чужда примеров, когда первородный грех сказывался в явном господстве плоти, ведшем к отступлению от прежних установлений Божиих.

Это мы видим даже в таких великих и святых личностях, как Авраам и особенно Иаков, из которых первый кроме жены имел наложниц (хотя наложничество вытекало из благочестивых побуждений иметь наследников лучших обетований), а второй был двоеженец, за что и нес различные тяжкие испытания как естественное следствие этого отступления от первоначального закона брачной жизни (моногамии).

В гражданской области вполне господствовала патриархальная форма правления. Она состояла в том, что власть по заведыванию всеми гражданскими делами сосредоточивалась в главе семейства или рода. Патриарх как глава семейства был в то же время и единственным решителем всех дел, возникавших между членами его семейства или рода. Он вполне распоряжался судьбой своих детей и домочадцев, производил суд и расправу, имел право жизни и смерти (Быт 38:24), и в случае внешней опасности являлся полководцем (например Авраам), за которым признавалось право войны и мира. Но все эти права и обязанности не имели еще вполне определившегося характера и все вытекали из естественного положения отца в семействе, обязанного заботиться о защите и благосостоянии своего рода.

Тут мы видим человечество в его как бы отроческом возрасте. Патриархи – мирные пастухи, которые переселяются с одного места на другое для отыскания лучших пастбищ, и единственными вьючными животными служат у них верблюд и осел. Лошадь им еще неизвестна, да и к лучшему, так как с появлением ее у пастушеских племен всегда развивается склонность к набегам и хищничеству. Земледелие еще было мало развито и составляло лишь временное и случайное занятие. Поземельной собственности у них не было. Авраам купил себе землю только для погребения, и только Иаков приобрел в собственность участок для своего шатра. Запасов жизненных не делалось, вследствие чего голод часто вынуждал переселяться в соседние страны (по преимуществу в Египет, как житницу Древнего мира). Во времена Иакова, однако же, видимо установилась довольно правильная хлебная торговля между Египтом и соседними странами и существовали торговые караван-сараи по пути. Торговые караваны появляются на всем громадном пространстве между Египтом и Месопотамией, и ведется оживленная торговля пряностями и другими произведениями Востока, а также и

рабами, которые большими партиями ввозились в Египет. Ко времени Авраама мы видим зачатки меновой монеты, хотя и в виде кусков известного металла с определением его ценности по весу; при Иакове появляются своего рода «монеты», а сыновья его уже хорошо знакомы с ходячими сребрениками, за которые они и продали своего брата Иосифа.

Что касается просвещения, то из всей истории патриархальной эпохи видно, что хотя патриархи и являются по преимуществу странствующими пастухами, но вместе с тем у них замечаются следы довольно высокого просвещения, отчасти вследствие влияния соседних народов, из которых иные, как например египтяне, стояли уже на высокой степени цивилизации, а отчасти и вследствие самобытного развития избранного рода, отличавшегося высокими духовными дарованиями. Так, предание приписывает Аврааму высокие познания в астрономии и математике, которым он будто бы научил египтян. Следов письменности в собственном смысле не встречается, хотя нет достаточных оснований и сомневаться в ее существовании, тем более, что в соседних с Палестиной странах она уже несомненно существовала. Во всяком случае есть свидетельство о существовании именных печатей, предполагающих начертание имени или каких-либо условных знаков (Быт 38:18, 25).

В таких общих чертах представляется жизнь патриархов избранного рода, бывших исключительными носителями истинной религии и связанного с ней великого обетования о Спасителе и потому находившихся под особым руководством Промысла Божия.

XIII

Истинная религия вне избранного рода. Новое религиозное состояние языческих народов. Летосчисление

Промыслительное действие Божие, равно как и истинная религия и благочестие, однако же, не ограничивались только тесным кружком избранного рода. Отдельные праведники и целые семейства праведных жили и в других местах, «ходя перед Богом». Таким, кроме Мелхиседека, является особенно Иов, жизнь которого описывается в книге, известной под его именем (книга Иова). Это был величайший праведник и образец веры и терпения, которых не могли

поколебать никакие козни исконного врага человеческого рода. Он жил в земле Уц, в северной части Аравии, «был непорочен, справедлив и богобоязнен, и удалялся от зла», и по своему богатству «был знаменитее всех сынов Востока». У него было семь сыновей и три дочери, составлявшие счастливое и довольное семейство. Но этому счастью позавидовал исконный враг человечества – сатана, и перед лицом Бога-сердцеведца стал дерзко утверждать, что Иов праведен и богобоязнен только ради своего богатства и земного счастия, и что с потерей его он перестанет благословлять и славословить Бога. Чтобы наказать дерзкую ложь отца лжи и укрепить веру и терпение Своего праведника, Бог дает Иову вместе со счастием испытать и все бедствия и горечи земной жизни. По попущению Божию, сатана один за другим наносит ему страшные удары, лишая его всего богатства, всех слуг и всех детей. Но когда и это бедствие не поколебало веры Иова, который лишь поклонился Господу и сказал: «Наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь; Господь дал, Господь и взял», то посрамленный сатана хотел испытать многострадального праведника еще худшими бедствиями, и опять по попущению Божию поразил самое тело его страшной проказой, самой ужасной и омерзительной болезнью на Востоке. Ужасная болезнь лишала его права пребывания в городе, и он должен был удалиться за его пределы, и там, скобля струпья на своем теле черепком, он сидел в пепле и навозе. Все отвернулись от него, и даже жена его презрительно говорила ему: «Ты все еще тверд в непорочности своей. Похули Бога и умри». – «Ты говоришь как безумная, – отвечал ей многострадальный праведник. – Неужели доброе мы будем принимать от Бога, а злого не будем принимать?» Таким образом Иов даже словом не согрешил перед Богом, безропотно перенося свое собственное ужасное положение и положение жены, вынужденной после прежней богатой жизни в качестве госпожи теперь зарабатывать себе насущный хлеб тяжкой и непривычной для нее поденной работой.

О несчастии Иова услышали друзья его Елифаз, Вилдад и Софар. Увидев его в несчастном положении нищеты и прокаженности, они, не смея подойти к нему близко, воскликнули от ужаса и зарыдали, в течение семи дней безмолвно убиваясь горем в виду своего злополучного друга. Вид их наконец развязал скованный дотоле бедствиями язык Иова, и страдалец впервые показал, как тяжело ему было сносить свое положение, и проклял самый день своего рождения и самую ночь своего зачатия. Друзья стали утешать его, уверяя, что Бог правосуден, и если Иов страдает, то страдает за какие-нибудь согрешения свои, в которых должен покаяться. Но Иов, твердый в своей вере и сознавая свою невинность, признавая в своих бедствиях испытание со стороны Бога, отвергает обвинение в беззаконии и нечестии, так как он никогда не забывал своего Творца и никогда не переставал молиться Ему, и среди самых бедствий

своих выразил непоколебимую веру в пришествие Искупителя и в воскресение мертвых: «Я знаю, Искупитель мой жив, и он в последний день восставит из праха распадающуюся кожу мою сию. И я во плоти моей узрю Бога». Между тем во время беседы и рассуждения Иова с друзьями поднялась буря, и загремел гром, из бури раздался голос Божий Иову, укоривший рассуждающих друзей за желание проникнуть в непостижимые советы и намерения Вседержителя. Бог выразил гнев Свой за неправильные суждения друзей, и только жертвоприношение их и ходатайство за них праведного Иова оправдали их перед Богом. Этим кончилось испытание Иова, посрамившего исконного человекоубийцу в его дерзкой лжи и клевете, и Бог исцелил Иова от болезни и обогатил его вдвое больше прежнего. У него опять родились семь сыновей и три дочери, и он опять сделался счастливейшим патриархом счастливой семьи. «И умер Иов в старости, насыщенный днями».

Молчание в этом славном повествовании о законах и чудесах Моисея, патриархальные черты в жизни, религии и нравах и, наконец, самая продолжительность жизни Иова, скончавшегося двухсот лет от роду, явно показывают, что он жил еще в патриархальную эпоху библейской истории и притом в конце ее. В его истории мы видим уже высокое развитие цивилизации и общественной жизни. Иов живет с значительным блеском, часто посещает город, где его встречают с почетом, как князя, судью и знатного воина. В книге его есть указания на суды, писанные обвинения и правильные формы судопроизводства. Люди уже умели наблюдать над небесными явлениями и делать из них известные астрономические заключения. Есть указания даже на рудокопни, большие постройки, развалины гробниц, а также на великие политические перевороты, благодаря которым повергнуты были в рабство и бедственное состояние целые народы, наслаждавшиеся дотоле независимостью и благосостоянием.

Таким образом, и среди языческих народов, современных патриархальной эпохе избранного рода, встречались отдельные светлые личности, которые сохраняли чистоту первобытного благочестия и истинной религии с ее высокими истинами и обетованиями. Но масса была погружена в темное идолопоклонство, которое с развитием принимало самые разнообразные формы. В Месопотамии идолопоклонство получило такое развитие и распространение, что оно вторглось даже в благочестивый дом Фарры, отца Авраама, и существование домашних идолов (терафимов) мы встречаем в доме родного брата Авраама – Нахора и особенно внука последнего – Лавана. По предположению, терафимы – это были складные идолы, изображавшие человеческие фигуры или предметы, наиболее чтимые местными жителями. Но в общем в Месопотамии преобладал,

как и в Аравии, сабеизм, то есть, боготворение небесных светил, изображение которых, быть может, делалось и на терафимах. При этом, однако же, замечательно, что в Месопотамии и особенно в Халдее сохранились следы того, как религия постепенно уклонялась от первоначальной истины и вырождалась в грубое идолопоклонство. В весьма неясном представлении им предносился единый верховный Бог Ил или Ра, творец довременного хаоса. В этом хаосе, смутно отождествлявшемся с самим Илом, было три начала – материя, желание и разум. Они разделились между собой, и из этого произошел мир. Начала эти, в свою очередь, олицетворялись в виде трех богов: Ану – материя, Бен – желание и Ноа – разум. От этой первой троицы рождается вторая, но она уже явственно вырождается в чисто планетные божества: Самас – бог солнца, Син – бог луны и Бин – бог воздушного пространства. У каждого из этих богов имеется по жене, которые, впрочем, тождественны с ними, и затем следуют уже второстепенные планетные боги: Нин (Сатурн), Бел-Меродах (Юпитер), Нергал (Марс), Иштар или Нана (Венера) и Небо (Меркурий). За этими богами следовало множество еще меньших богов, определить значение которых весьма трудно, но которые уже составляли последнюю ступень помрачения первоначальной религиозной истины. Число богов увеличивалось еще оттого, что каждый город имел своего особого бога-покровителя, который и считался там главным, независимо от общей системы. Так, Бел-Меродах, бог планеты Юпитер, был местным божеством Вавилона и с возвышением этого города стал главным и слился с Белом. Служение всем этим богам и особенно Иштаре (Астарте) имело грубо чувственный характер, переходивший в полное распутство, совершавшееся в честь богов и богинь в самих храмах и капищах.

Тот же сабеизм, но с расширением его в боготворение природы вообще, был господствующим видом идолопоклонства ханаанских народов, среди которых по преимуществу проходила жизнь патриархов. Главным божеством хеттеян (с которыми прежде всего встретился Авраам при вступлении в землю Ханаанскую) была богиня Истар или Ашторет (Астарта), идолослужение которой совершалось под видом самой гнусной распущенности. Другие ханаанские племена боготворили также Бела или Ваала (солнце) под различными именами – Эл, Молох, Адони. Как и во всех подобных религиях, составляющих полное уклонение от первоначальной истины, народ боготворил под видом этих богов свои собственные страсти и похоти, придавая им как бы печать божественного соизволения. Для умилостивления гнева богов он приносил человеческие жертвы и, руководясь мнением, что чем дороже приношение, тем на большую милость может рассчитывать приноситель, заблуждающиеся безумцы приносили в жертву идолам своих детей, девицы жертвовали своим целомудрием и т. д. Под влиянием этого-то безнравственного культа нечестие достигло такой

безобразной степени, на какой мы видим его в жителях городов содомского пятиградия, навлекших на себя страшный гнев Божий.

На более высокой степени стояла религиозно-нравственная жизнь в Египте, но и то только в высших классах страны и особенно в знаменитом египетском жречестве, где религия достигала значительной высоты, показывавшей, что искра истины и древних преданий еще тлела под пеплом языческого заблуждения. В высшем своем умопредставлении египтяне поднимались до понятия о едином Боге, не имеющем ни начала, ни конца. Священные гимны египтян говорят об этом Боге, что «Он единый Плодотворитель на небе и на земле, но сам не рожден. Бог единый в истине, который сам себя родит, который существует от начала, который создал все, но сам не создан». Этот верховный единый Бог назывался различно: в Фивах – Аммон-Ра, в Мемфисе – Пта. Но единый сам по себе, этот верховный Бог есть в то же время не только отец, но и мать и сын, и потому как бы тройствен в своем бытии, представляет собой три начала. Маут, женское начало, есть в то же время жена Аммона-Ра, и сам он, как сын его, Хонс, есть вместе с тем тот же самый Аммон, потому что он из себя творил все. Аммон-Ра, Маут и Хонс составляют высшую троицу, единое высшее божество, о котором в одной египетской книге (папирусе) говорится: «Он дает жизнь рыбе в воде, птице в небе, дает дыхание плоду в яйце. Он живит гадов, дает то, чем живут птицы, ибо гады и птицы равны перед его очами. Он делает запасы для мыши в ее норе и кормит птицу на ветке. Будь благословен за это единый, единственный многорукий». Весь внешний мир был проявлением этого верховного божества. Вследствие этого всякое явление природы было священно. Так понимали божество высшие классы в Египте. Но для народной массы такое представление было непосильно и слишком отвлеченно. Поэтому простой народ из разных проявлений божества делал для себя самостоятельных богов. Отсюда является почти бесконечный ряд живых богов, символами которых были различные предметы неодушевленной природы, птицы и животные. Одним из главных божеств этого рода был Нил, отождествлявшийся в представлении народа с богом Апи или Озирисом, женой которого была Изида (земля). Воплощением Озириса был живой бык – апис, который из простого символа превратился в умопредставлении народа в самостоятельное божество, и о нем жрецы рассказывали, что он нарождается каждые двадцать пять лет от телицы, оплодотворяемой молнией и остающейся девственницей, несмотря на его рождение. Другие божества олицетворяли различные благодетельные или грозные силы природы, каковыми были благодетельное солнце (Ра), солнце как палящий губитель жизни (Монт), губитель света – Сет и т. д., и олицетворением различных богов были ястреб, ибис, крокодил, козел, кошка, которые также почитались иногда в качестве самостоятельных божеств. Умножению богов

содействовало также то обстоятельство, что каждый город с своим округом непременно почитал своего особого бога. Тут, очевидно, религиозная мысль ниспускалась уже до самой грубой ступени идолопоклонства. Сообразно с религией на такой же низкой степени стояла и нравственная жизнь, в которой господствовали самые гнусные пороки, находившие поощрение в самой обрядности грубого и безнравственного культа.

Таково было религиозно-нравственное состояние языческих народов, и в сравнении с ними избранный род патриархов был поистине светильником, ярко сиявшим среди глубокой религиозно-нравственной тьмы окружающего человечества.

По времени рассмотренная патриархальная эпоха обнимает собой более двух столетий. Для точного определения ее не существует достаточных данных. Мы имеем только свидетельство ап. Павла, что от великого обетования Аврааму до издания Синайского закона прошло 430 лет. Эта же цифра указывается и в книге Исход (Исх 12:40), где говорится: «Времени же, в которое сыны Израилевы (и отцы их) обитали в Египте (и в земле Ханаанской – как прибавлено в греческом тексте перевода семидесяти толковников), было четыреста тридцать лет». В откровении самому Аврааму этот же период определяется круглым числом в четыреста лет. Если предположить, что продолжительность пребывания израильтян в Египте была равной приблизительно с продолжительностью собственно патриархального периода странствования от призвания Авраама до переселения Иакова в Египет, то половина этой цифры, именно 215 лет, и будет приблизительно определять продолжительность патриархальной эпохи, что вполне согласуется с летами жизни патриархов и подтверждается иудейскими преданиями.

Период четвертый

От смерти Иосифа до смерти Моисея

XIV

Израильтяне в Египте

В то время, когда мадиамляне продавали Иосифа на невольническом рынке, Египет стоял уже на высокой ступени процветания и могущества. Во главе его сменилось до пятнадцати царственных родов или династий, последовательно управлявших его судьбами. Теперь царствовала династия так называемых царей-пастухов, или гиксов. Она принадлежала чужеземной народности, насильственно вторгшейся в Египет и захватившей престол фараонов. Точно неизвестно, откуда явились завоеватели и к какому племени они принадлежали; но можно думать, что это были кочевники, обитавшие в сирийских степях и аравийских пустынях и постоянно тревожившие Египет своими набегами и нападениями. Египет должен был тщательно оберегать свою северо-восточную границу от нападения кочевых народностей, и с этой целью там построено было несколько укреплений и сплошная стена наподобие китайской. Но кочевые племена все-таки проникали и за стену и с позволения египетского правительства селились в северо-восточном углу страны. Пока была крепка государственная власть, она успешно отражала внешние нападения и держала в подчинении поселившихся в Дельте инородцев; но представители последних перед тем династий, благодаря своей слабости, выпустили власть из своих рук, страна поделилась на несколько независимых уделов, правители которых обессиливали государство своим соперничеством. Этим воспользовались гиксы, сделали нападение на Египет и при помощи инородцев покорили страну и завладели престолом. Первое время владычества гиксов ознаменовалось всевозможными проявлениями дикого варварства, грабежами и убийствами; но мало-помалу просвещение покоренной страны оказало свое цивилизующее влияние на завоевателей, они подчинились ему, и двор новой династии вполне принял обычный египетский вид со всей пышностью и роскошью фараонов. Гиксы имели свою религию, но они терпели и религию египтян и даже официально покровительствовали ей.

Сутех, национальный бог завоевателей, отождествлялся с египетским богом Сетом, и ему, как и другим египетским божествам, строились храмы. Сфинксы, относящиеся к этому времени, имеют совершенно своеобразный тип лица, отличный как от египетского, так и от еврейского, и, очевидно, представляют тип этой чужеземной народности. При одном из представителей этой династии, по-видимому, и правил Иосиф Египтом. Только при фараоне пастушеской династии мыслимо было, чтобы ничтожный раб, вышедший из презираемых природными египтянами пастухов, мог быть назначен на пост верховного правителя страны. Имя этому фараону Апопи или, по греческому произношению,

Апофис. При нем Египет совершенно оправился после смут и опять наслаждался полным внутренним благосостоянием. Но вместе с тем в природных египетских князьях, находившихся в подчинении фараону, стало замечаться политическое движение, направленное к освобождению страны от чужеземцев. Предчувствуя опасность, пастушеская династия, естественно, заботилась о том, чтобы упрочить свое положение, и покровительствовала инородцам, раздавая им для поселения лучшие участки земли с той целью, чтобы найти в них верных союзников в случае нужды. Такой политикой можно объяснить и то, что фараон Апофис отдал вновь прибывшим поселенцам один из богатейших округов страны. Пастушеская династия при Иосифе достигла высшей степени процветания и силы. Но вскоре затем, именно к концу царствования Апофиса, в Фивах, древнейшей столице страны, началось движение туземных князей к независимости, а при следующем фараоне оно перешло в открытое восстание, поставившее своей целью низвержение чужеземной династии и народности. Началась упорная и продолжительная борьба. Гиксы шаг за шагом отстаивали свою позицию, но под давлением силы должны были все дальше и дальше отступать к северо-востоку, пока совсем не изгнаны были из Египта.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вот последовательный ряд представителей этого поколения: Каин, Енох, Ирад, Мехиаель, Мафусал и Ламех (Быт 4:18). Встречающиеся здесь имена Еноха, Мафусала и Ламеха не нужно смешивать с подобными же именами в другом поколении – Сифовом.

2

По еврейскому тексту счисление представляется в таком виде: Адам – 130, Сиф —105, Енос – 90, Каинан – 70, Малелеил – 65, Иаред – 162, Енох – 65, Мафусал – 187, Ламех – 182, Ной – 500, Сим до потопа – 100. Сумма этих цифр – 1656 – составляет количество лет от сотворения Адама до потопа.

3

По еврейскому тексту – в самый год наступления потопа.

4

Если считать локоть в 21 дюйм (т. е. 12 вершков), то это составит 525 футов длины, 87? ширины и 52 ? высоты. По вычислению бл. Августина (о граде Божием 15:26), размеры ковчега в его трех измерениях были те же, что и пропорциональные размеры нормального человеческого тела, «длина которого от подошвы до маковки в шесть раз более ширины груди и в десять раз более толщины или глубины лежащей фигуры человека, измеряемой по прямой линии от земли». В 1609 г. один голландец, Петр Янсен, в Гоорне построил корабль как раз по форме Ноева ковчега, и оказалось, что при такой форме корабль представляет гораздо большую вместительность (именно на одну треть), чем при обычной форме построения кораблей.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lopuhin_aleksandr/tolkovaya-bibliya-vethiy-zavet-i-novyy-zavet

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить